

АВТОСТОП ПО КРАЮ ЛЕТА

Алексей
Крайнов

Алексей Крайнов
Автостоп по краю лета

«Автор»

2025

Крайнов А.

Автостоп по краю лета / А. Крайнов — «Автор», 2025

От уральской столицы до... Конечный пункт тебе неведом. Из Екатеринбурга до края лета — такова твоя география. Ты отправляешься в путешествие без гроша в кармане. Две банки тушёнки в рюкзаке и гитара на плече — вот всё, что ты взял с собой. Ты рассчитываешь зарабатывать, выступая с гитарой на улицах в Петербурге, Москве и других городах. Поезд без билета и автостоп на трассах — твои способы передвижения. Где ты будешь спать, с кем встретишься в пути? Когда вернёшься домой? Ветер в волосах, солнце над головой, пустота в карманах и мечта в сердце. Страшно и дух волнует. Автобиографическая повесть родом из 90-х. Первая книга трилогии.

© Крайнов А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Часть 1. Подготовка	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	21
Глава 8	24
Глава 9	26
Глава 10	29
Глава 11	31
Глава 12	34
Часть 2. Екатеринбург – Питер – Москва	37
Глава 13	38
Глава 14	40
Глава 15	43
Глава 16	47
Глава 17	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Алексей Крайнов

Автостоп по краю лета

Посвящаю эту трилогию моим подрастающим дочерям

Кате и Вике.

Дети мои, прочитав, не повторяйте близко к тексту: помимо того, что это немного опасно для жизни, пусть в юности вас ждут собственные, особенные и неповторимые приключения!

Часть 1. Подготовка

*Бодрости больше внушить и вложить ему мужество в сердце...
Гомер. Одиссея¹*

¹ Здесь и далее пер. В. Вересаева.

Глава 1

Начну с того, что я съехал от родителей в шестнадцать, и это был мой первый осознанный шаг к свободе.

Середина девяностых. Екатеринбург. Ранняя осень. Пиная опавшие листья, я иду вверх по проспекту Ленина к Уральскому государственному техническому университету. Стараюсь не опоздать к первой паре.

Иду я от улицы Восточной – с неё хорошо просматривается главный корпус университета с развевающимся триколором. Белое здание в стиле классицизма с широкой треугольной крышей и мощными колоннами напоминает Большой театр в Москве. Правда, для справедливого сравнения знаменитый театр и площадь перед ним пришлось бы изрядно увеличить.

Вдоль проспекта на первых этажах жилых домов расположились магазинчики под свежими пластиковыми вывесками: «Levi's», «Кировский», «Светлана» и множество других. Народ входит и выходит, занимается своими делами, я же шагаю, вдыхая тёплый сентябрьский воздух, и пытаюсь осознать свою новую, студенческую жизнь!

* * *

Поступил я благодаря серьёзным усилиям и подготовке. Золотая медаль, полученная по окончании небольшой школы на окраинном Эльмаше, оказалась наградой скорее за отвагу, нежели за реальные знания. По баллам вступительных экзаменов я едва поступил на бюджет, и это, конечно, отрезвляло.

В самый первый день, когда наш поток рассадили за потёртые парты в амфитеатре с огромными окнами, я познакомился со вдумчивым и рассудительным человеком, от которого в дальнейшем будут часто зависеть мои успехи в учёбе.

Звали этого человека Константин, он был старше среднего студента в нашей группе, носил очки на минус шесть, ходил в вязаном свитере и относился к учёбе по-настоящему серьёзно. Он помогал мне с конспектами лекций и другими материалами, да и с объяснением главных идей предметов, когда я пропускал какие-то занятия. Признаюсь, что причин для таких пропусков с моими интересами со временем набралось немало!

Первые недели и месяцы я буквально захлёбывался в море новой информации, перемещаясь с одноклассниками между многоэтажными корпусами по гигантской территории университета. Учебные пары в первые годы не всегда проходили в высотке нашего родного теплоэнергетического факультета – чаще нас гоняли со строительного факультета на экономический, с физтеха, через парки и улицу, – на радиофак.

Подобно большинству сокурсников, я носился с квадратными глазами, не представляя, как можно одновременно впитать математические матрицы, разветвлённые электрические цепи, приложения законов термодинамики и наряду с этим теорию конституционализма Джона Локка.

Давление в учёбе было такое, что мне приходилось собирать все свои способности и дисциплину в кулак, чтобы не вылететь из универа в первом же полугодии. С таким боевым настроем к декабрю, ещё до начала сессии, я оформил большую половину зачётов и получил несколько «автоматов» – оценок, выставляемых за экзамен по успеваемости в течение курса.

В итоге я обнаружил, что перестал болтаться среди отстающих в группе, а по некоторым предметам почувствовал себя даже уверенно!

В декабре, в разгар сессии, Константин, поднимаясь со мной по лестнице на очередную консультацию, шепнул:

– Что ты творишь, Лёха? Народ вылететь боится, а ты первую же сессию на отлично сдавать собрался?

– Ну, если получится, считай это и своей заслугой.

И я не шутил.

* * *

Наша семья унаследовала от бабушки однокомнатную квартирку. Туда-то я и переехал. Тихий район, центр, университет рядом. Удобно добираться на учёбу, а друзьям после учёбы – ко мне.

Скоро осознал, что же такое студенческая бедность, многократно описанная в романах. Выплачиваемая мне стипендия была чистым символом предыдущей эпохи. Тогда она, наверное, чего-то стоила, однако сейчас её не хватало даже на неделю самого скромного питания.

Сентябрь и октябрь я прожил на вынужденной мучной диете. Бабушка на старости лет накопила два мешка муки и немало сухарей, которые достались мне вместе с квартирой. Люди, прошедшие послевоенный голод, часто имели привычку делать запасы «долгоиграющих» продуктов на случай очередного поворота истории.

Родители в то время ничем поддержать меня не могли: они и сами приносили в дом минимум для базового выживания. Мне приходилось рассчитывать лишь на себя, но в перспективе это было и к лучшему.

* * *

С такой экономикой в первый студенческий год я постоянно искал подработку и перепробовал многое.

На несколько месяцев я стал репетитором по математике у весёлого рыжего парня, шести-классника. Эту работу я нашёл древним способом: через объявление в печатной газете «Вечерний Екатеринбург».

Походы к ученику в красивое историческое здание в центре города, любезное угощение в виде чая с бутербродом от его интеллигентных родителей и небольшие, но важные дополнительные деньги дали было мне надежду на классическое студенческое существование по Достоевскому, но спустя пару месяцев эта удача оборвалась. Несколько недель мне никак не могли выплатить небольшое вознаграждение, а потом, выплатив, завершили «контракт». Был ли я недостаточно сильным преподавателем, была ли экономическая ситуация непростой и у этой семьи? Мне уже не узнать.

Расставшись с учеником, на следующий день я посетил бизнес-конференцию, чьи организаторы обещали потенциальное трудоустройство. Соискатели расселись в огромном зале, слушая спикера в не самом опрятном костюме. В течение получаса он сыпал тезисами про бизнес, маркетинг и развитие связей, а затем произнёс ключевую фразу:

– И мы будем рады видеть вас партнёрами сети «Гербалайф»!

На этом скандально известном названии половина слушателей, включая меня, встала и покинула зал. Репутация у сетевиков была ниже плинтуса, да и экономически для обычного нового участника схема уже не работала.

В прямых продажах я продвинулся немного дальше. Около месяца проработал свободным агентом по сбыту наружной рекламы: мест на билбордах, растяжках и прочих крупных рекламных поверхностях. Оклад не подразумевался, доход рассчитывался в проценте от продаж.

Мне выдали пакет глянцевых рекламных материалов, с которыми я принялся курсировать по центральным улицам, где обосновался бизнес. Заходя в очередной магазинчик или офис, я просил позвать директора и заявлял ему следующее:

– У меня есть хорошее предложение по наружной рекламе вашего заведения!

Беготню агента не назовёшь благодарным занятием: число отказов приближалось к ста процентам. Однако в какой-то день неожиданно для меня человек за прилавком в магазине Hilti на Бажова спросил:

– Вы можете установить билборд здесь, у нашего магазина?

Так я принёс первую активную наводку в офис, чем немало удивил своего куратора.

Переговоры тянулись четыре недели. Помимо меня, к ним подключились директора в обеих компаниях, но, к огромному моему разочарованию, всё это ни к чему не привело.

* * *

К Новому году пришла потрясающая новость! За отличные результаты первой сессии к обычной стипендии мне добавили именную, от декана.

Теперь раз в месяц я мог позволить себе набрать в магазинчике у дома полный полиэтиленовый пакет продуктов: сникерс, банку тушёнки, несколько килограммов овощей, быструю лапшу, булку хлеба. И кайфовать на это неделю, а то и две!

Что делать оставшиеся две недели месяца, всё равно оставалось загадкой.

Добрая половина моих сокурсников и друзей выживали аналогичным образом. Люди помогали другу другу, держались на молодости, азарте, поисках хоть каких-то возможностей и, конечно, на ожидании лучшего.

Глава 2

И жизнь не останавливалась!

Учёба, безусловно, являлась важной частью бытия первокурсника, однако не исключала увлечений. Мои свободные часы поглощала музыка!

Я никогда не мечтал стать профессиональным музыкантом, но с детства слушал записи в самых разнообразных жанрах, а лет с четырнадцати писал песни сам. Родители в своё время закончили музыкальную школу – мать по классу фортепиано, отец по классу аккордеона. Наверняка их склонность к музыке тоже сыграла в моём увлечении какую-то роль.

Осенью прямо на квартире я записал первый альбом, пригласив к участию Майка Решетникова, студента параллельного потока моего факультета.

Познакомились мы случайно, в студенческой столовке в главном корпусе универа. Пройти мимо этого высокого и громкого чувака с бас-гитарой, которую он положил прямо на стол, среди тарелок, я не мог. Майк выглядел экстравагантным хиппарём: модное длинное чёрное каре, дорогая тёмно-синяя джинсовка, красные кеды. Играл он в местной группе, довольно крутой по тем временам.

Так что после недельного обсуждения возможных совместных проектов я был очень рад услышать, что Майк готов помочь с басовыми партиями для задуманного мною альбома!

Он приходил ко мне домой со своим кастомным басом, сделанным по специальному заказу – инструмент выделялся среди обычных гитар тёмным матовым корпусом в форме черепа. Приземлившись в кресло, Майк откидывал каре и выслушивал очередную задумку в моём исполнении:

Это снова повторится:
Мы опять сюда придём.
Мы свои узнаем лица
И растаем под дождём².

– Наивно, конечно! Но в целом интересно, интересно... – произносил он хриплым голосом. – Аранжировка пока ни о чём, но мелодист ты неплохой...

Мы обсуждали музыкальные идеи на тему песни и одновременно я настраивал домашнюю «звукозаписывающую студию».

Выглядело моё музыкальное хозяйство гораздо скромнее, чем можно было представить. Главным компонентом студии был пишущий магнитофон «Томь» – потёртое brutальное изделие советской промышленности, этакий коричневый кирпич, издающий звуки. При всём своём несовершенстве «Томь», на удивление, обладала одной уникальной способностью – качественно писать звук через встроенный микрофон. Этот аппарат я брал на время у старого друга детства, в его семье он играл роль музыкального центра добрый десяток лет.

Вторым компонентом студии был магнитофон с попсовым названием «Романтика». Этот аппарат, попроще и посимпатичнее «Томи», мне подарили родители. Он годился для воспроизведения, но его микрофон был слишком слабым для записи, а потому функция «Романтики» состояла исключительно в воспроизведении треков, записанных «Томью».

² Здесь и далее в таком формате цитируются слова к песням, написанным героем и исполняемым им со своей группой.

Я соединял магнитофоны шнурами, и эта космическая установка достойно служила мне домашней студией. Поочередно меняя местами кассеты и добавляя поверх предыдущих слоёв новые партии, можно было записывать приличные музыкальные треки. Как мы обнаружили, к «Томи» напрямую подключалась и бас-гитара!

Как только аппаратура была готова, Майк выкуривал сигарету, пересаживался на стул поближе к пишущему магнитофону, подключал свой бас, чаще всего зажимал зубами медиатор и открытыми пальцами без репетиций выдавал партию, которая сразу шла в чистовой вариант!

* * *

Примерно в этот же период эволюционировали мои взгляды на то, куда двигаться дальше в музыке.

Если когда-то я записывал свои песни дома в одиночку, то после альбома с Майком я увидел, как вдохновляет работа с крутым музыкантом в команде.

Майк не только помог мне басовыми партиями с первым альбомом, но и поддержал мои неуклюжие музыкальные попытки точными оценками и полезными советами, по сути – дал дружеский пинок, придавший мне ускорение в верном направлении.

Но при всём этом он по-настоящему отдавал себя своей основной группе. Так что я мог, конечно, рассчитывать на продолжение нашего сессионного сотрудничества, но двигаться вперёд должен был самостоятельно.

* * *

И вот, в начале весны, после очередной смешанной пары студентов одного потока мы задержались в аудитории с незнакомым мне тогда парнем, у которого с собой была акустическая гитара.

Парня звали Макс Чалин, он был высоким блондином нереально музыкальной наружности и выглядел настоящей рок-звездой. При шикарных способностях, включая голос и гитарную технику, Макс каким-то образом умудрялся оставаться скромным человеком – поразительное сочетание!

В той залитой весенним светом аудитории мы, сидя на партах, играли друг другу какие-то свои черновые работы. Музыкальная магия, такая тонкая и редкая, проявилась и поддержала наше общение.

– Лёха, ну что, давай работать! – Макс серьёзно отнёсся к нашей идее о совместном проекте.

– Я реально за, будет круто попробовать! Приходи тогда ко мне на неделе – сразу с гитарой! – Я тоже был заряжен на наши репетиции и всё, что из этого могло получиться.

С Максом мы могли бы создать наконец настоящую постоянную группу. Так думал я, ещё не зная, что, помимо этого, мы станем и настоящими друзьями!

От далёких ветров будет весть обо мне,
И с зелёных холмов я пошлю тебе день.

Но из сотен даров
Ты оставишь себе
Только пару ярких снов.

Глава 3

В тот же год я записался в студенческий стройотряд «Эридан».

Ещё в старших классах меня привлекала эта ретроромантика с зелёными куртками, гитарами и какими-то не ясными мне тогда целями. Может быть, на меня повлияли пионерские лагеря, где я провёл лучшие летние месяцы детства и где впервые взял в руки гитару?

Брутальное посвящение, субботники, периодические выезды на природу с песнями у костра – так меня погрузили в круг новых знакомых и будущих друзей.

Стройотрядовское движение в Екатеринбурге оставалось невероятным реликтом советских времён; до девяностых годов студенческие отряды сохранились лишь в нескольких городах, зато там они держались уверенно и опирались на историю, идущую от освоения целины в шестидесятых.

Идеей было самостоятельное объединение студентов на летние каникулы с прицелом на крупный заработок. Народ передавал легенды про прошлые десятилетия, когда бедный студент за лето ударного труда на стройке зарабатывал себе на машину!

Особенно меня впечатлила музыкальная сторона стройотрядовского движения.

Первое, что слышал новичок с гитарой в этом кругу: «Дерзай, гитарист, Самойловы из «Агаты» тоже так начинали!» Так говорилось про Вадима Самойлова, который в 1982 году в стройотряде «Импульс» нашего тогда ещё УПИ сочинял песни, записывался и выступал с ними. Его «Листопад» был хитом целое десятилетие! А к середине девяностых созданная Самойловыми «Агата Кристи» стала национальным хедлайнером и безусловной легендой всего универа!

* * *

Университетская движуха раскрывала во мне неведомые ранее интересы и направляла по неожиданным траекториям.

В один прекрасный морозный вечер первого университетского года я с парой однокурсников под лёгким падающим снежком направлялся к радиофаку – отдельному зданию на территории универа. Там проходило очередное студенческое мероприятие, у нас было лишнее время, и мы, первокурсники, были не против посмотреть, что там происходит.

Открывая тяжёлую входную дверь, я заметил на ней свежее бумажное объявление. На отрывных талончиках чернели номера телефонов – тогдашняя рекламная классика. На объявлении было крупно выведено: «Работа» (ключевое для меня слово!), – а вторая строка, помельче, сообщала: «Телефон доверия».

Вот это было непонятно, но очень интересно! Я оторвал талончик и подумал: на днях стоит позвонить. Сказано – сделано!

– Здравствуйте, я хотел бы записаться на собеседование! Увидел ваше объявление в моём университете. Когда и куда можно подойти?

– Здравствуйте, как вас зовут? – Вежливый голос вызывал расположение.

– Алексей.

– Кто вы? Расскажите о себе немного.

– Ну, я студент первого курса УГТУ, мне семнадцать лет, давно интересуюсь психологией, недавно читал Эрика Берна, – говорил я, стараясь убедить собеседника в моём искреннем

интересе к психологии. Легко догадаться, что про Берна я случайно услышал от знакомого, а книжек упомянутого психолога и в руках не держал.

– Хорошо, приходите после выходных, во вторник, в семь вечера, вот адрес на проспекте Мира. Там будет небольшое собеседование, на месте поговорим.

* * *

Собеседование с кандидатами проводил вежливый мужчина лет тридцати по имени Олег. Он задал мне те же вопросы, что и при коротком телефонном интервью, плюс попросил рассказать немного о себе.

Ничего нового придумать я не смог, рассказал про учёбу, добавил про музыку, друзей. Мои ответы мне самому казались тривиальными, однако в конце интервью я неожиданно услышал:

– Вы приняты на обучение!

Решающим, как я потом узнал, оказался мой голос: при разговоре по телефону организатор проекта счёл его адекватным задаче доверительного телефонного общения. Важный момент в работе, которую выполняют исключительно таким способом!

Дальнейшее, как можно было догадаться, зависело только от меня. Как и большинство в отобранной группе, я стартовал с полного нуля в психологии, и только время могло показать, чего каждый из нас стоит, насколько серьёзен наш интерес, готовы ли мы учиться и до чего в итоге дорастём.

Глава 4

Учёба, новые знакомства, первые выступления с Максом, стройотряд и даже работа на «Телефоне доверия»! Сколько же удивительного произошло за первый год моей студенческой жизни!

Ошеломлённый свалившейся на меня свободой с её обязательными сложностями, но одновременно и возможностями, я пытался напиться из хлещущего пожарного шланга, и, наверное, это далеко не всегда получалось хорошо.

Но что ещё можно делать в первый университетский год, когда только-только начинаешь осознавать себя самостоятельным человеком, полностью определяющим свою жизнь?

* * *

Наступало лето.

На удивление, я снова на отлично закрыл сессию и в прекрасном настроении выходил гулять по городу – с друзьями и в одиночку.

Уральское лето – благодатная пора! При хорошей погоде можно гулять и днём, и ночью: всегда будет красиво и тепло, по крайней мере, это истина для тех, кто в этом краю родился. Особенно классно было в центре, у Плотинки, на набережной Исети. Там расположились цветные кафешки с зонтиками, гуляли семьи, иногда пели уличные музыканты.

Кстати, о музыкантах.

Меня всегда тянуло к ним; я слушал их песни и даже бросал в шляпу пару монет, когда имелись деньги. Музыканты пели как умели, редко звучало что-то профессиональное, но каждый из них создавал вокруг себя ауру собственного мира, привлекавшую свободой и независимостью.

Прогуливаясь, я посматривал на них, и в какой-то момент меня посетила мысль: хэй, да ведь я тоже так могу!

Классно было бы постоять так часик-другой с гитарой на закатном солнце, поиграть любимые песни да к тому же, может быть, и подзаработать! Интересно, у меня бы получилось?

Не откладывая дела в долгий ящик, в один погожий вечер я взял гитару, пачку медиаторов, прихватил кепку для мелочи и отправился с этим нехитрым набором на Плотинку. Выбрав спокойное место, я встал на бульваре спиной к реке, достал инструмент, убрал подальше чехол и положил перед собой дедовскую кепку, найденную по этому случаю дома, на полке старого гардероба.

Вопреки моим переживаниям, никто не смотрел на меня с осуждением, да и вообще никто не смотрел на меня: люди продолжали жить своей жизнью, прогуливаться и есть-пить в отдалённых кафе.

Я начал с того, что любил сам: ранний и средний БГ, периода «Русского альбома», уральский «Чайф» с «От старых друзей...», «Чиж», «Агата Кристи» с их «Портвейном» и, конечно, «Кино».

Играл с удовольствием, вкладывая душу, как если бы давал серьёзный концерт. И это оказалось круто!

Я просто балдел от свободы и возможности петь то, что люблю, чувствовать тёплый ветер в рубашке и мягкие лучи вечернего солнца на руках. За мной медленно катила воды спокойная

Исеть – широкая в этом месте городская река, проходящая через самый центр. Иногда кто-то останавливался послушать меня, кидал мелочь в кепку и продолжал прогулку. Толп вокруг не собиралось, да я и не хотел этого. Кажется, мне хватало там просто меня самого.

В первый же вечер проходящие добрые люди накидали в мою кепку денег, достаточных для похода в магазинчик у дома и закупки приличного для студента ужина. Ничего себе! За это ещё и платят?

С этого дня я регулярно выбирался на набережную с гитарой, получал простое удовольствие уличного музыканта и собирал небольшой, но такой полезный гонорар.

Глава 5

Мои сессии на Плотинке продолжались до самой осени. Чаще всего всё происходило просто и ясно: я пел, народ проходил мимо, иногда задерживался послушать, кидал небольшие деньги мне в кепку или чехол. Но иногда разворачивались неожиданные истории.

В один из вечеров моё пение заинтересовало настоящего нового русского! Солидный господин лет сорока с выпирающим животом, в ярком красном пиджаке и с золотой цепью на груди, прогуливался по набережной. За ним следовали наряженная молодая жена и трое детей. Господин с цепью остановился возле меня, дождался, когда я закончу песню (неожиданно для такого типа), и, окружённый своей семьёй, спросил:

– «Осень» «ДДТ» сыграть можешь?

О да, этот старый хит Юрия Шевчука стал по-настоящему народным. Если и могли где-то пересечься музыкальные вкусы уличного музыканта и записного нувориша, то именно на этой песне.

«Что такое осень? Это небо. // Плачущее небо под ногами. // В лужах разлетаются птицы с облаками. // Осень, я давно с тобою не был...»

Не скажу, что я показал высший класс или удивил себя выступлением, однако, внимательно дослушав песню, мужчина достал из барсетки пачку купюр, вытянул пятитысячную, подумал, добавил ещё такую же и, показательно оглянувшись на семью, подал деньги мне в руки. Я улыбнулся и поблагодарил его. Выручка нескольких дней за одну песню! Персональные концерты идут по хорошему тарифу.

В другой музыкальный вечер, на самом закате, ближе к окончанию моей сессии, я заметил приближавшегося ко мне человека. Он издали свернул к моей локации, затем подошёл ближе и встал совсем рядом, в паре метров.

Самый усреднённый вариант мужчины, какой можно себе представить: лет пятьдесят с небольшим, среднего роста, худощав. Не бомж, но и не в строгом костюме; лёгкая, но вроде бы опрятная щетина. Аккуратная причёска, волосы с проседью, серый пиджачок в клетку – будто из соседнего подъезда вышел прогуляться.

Постояв с полминуты, он вдруг перебил меня прямо посреди песни – немного надтреснутым и низковатым для его комплекции голосом:

– Хорошо поёте, молодой человек, с душой! Там подальше другой парень поёт, – он махнул рукой назад, указывая на здание театра «Космос», – но тот как-то без души, не трогает...

Я прекратил петь и прижал струны, ошарашенный такой бесцеремонностью:

– Слушайте, давайте я допою, а после поговорим, хорошо?

Но мужчина не собирался останавливаться и проигнорировал моё возражение:

– Неужели вы не понимаете, о чём сами поёте? «Мир встал на колени после удара!» Вы хоть задумывались над этими словами? – Он взглянул чуть вверх, повыше меня; он как будто узрел за мною что-то. – Ладно, не важно... Вы музыкант? Наверное, и сами песни сочиняете?

Я окончательно осознал, что допеть начатую песню мне не удастся, и нехотя переключился на разговор.

– Ну да, у нас небольшая группа, мы записываемся, выступаем. – Я изо всех сил старался рассмотреть этого человека, но взгляду не за что было зацепиться. – Здесь я один поигрываю, так, для удовольствия.

– Удовольствия... – повторил мужчина. – Вам нужна студия? Записи вместе с группой? Концерты?

«Ещё один продюсер? – подумал я. – Забавно...» Вслух ответил:

– Ну, в теории да, студия – это здорово. Что, вы можете нам как-то помочь?

Тут мужчина повысил тональность:

– Да, конечно! Вам, наверное, не доводилось такого слышать, но я могу сделать это весьма быстро. Всего за пару месяцев – вы изумитесь переменам! Уверен, у вашей группы и у вас лично всё прекрасно получится!

Его неожиданный энтузиазм интриговал.

– Для этого от вас потребуется делать всё, что я скажу, – вдруг заявил он. – Абсолютно всё. Вы должны будете беспрекословно мне подчиняться!

Вот это было уже вправду интересно. Заводясь от навязываемого мне напора, я на всякий случай уточнил:

– Ну а если я не захочу этого?

– Хотите вы или нет, – он шагнул ко мне и оказался ещё ближе, почти вплотную, – если вы не пойдёте со мной, вам будет... очень плохо.

Его глаза, серые, холодные, как будто отделённые от него остального, смотрели на меня в упор. Наконец я хоть что-то разглядел в этом человеке!

Он продолжал, его голос зазвучал властно и уверенно:

– Вас будут жестоко карать и мучить. Те, кто не следовал за мной, потом страдали и раскаивались. – Он прожигал меня взглядом. – Они терзались, горели и плакали... Поверьте, им было очень, очень больно!

На контрасте с зауряднейшим видом его глаза сверлили насквозь, а слова били по голове молотком. До горла добиралась горячая, с солёным привкусом, волна адреналина. Совсем не вовремя заколотилось сердце.

Как понять суть происходящего, кто явился предо мною?

– Кто вы? Дьявол, что ли? – с отчаянием попробовал я остановить затянувшийся фарс.

– Как вы догадались? – мгновенно, без какой-либо паузы, ответил мужчина.

Я понял: где-то на этом ответе, что бы далее ни последовало, нужно заканчивать, – и, не умея сдерживать дрожь в голосе, сказал:

– Нам нечего больше обсуждать.

– Хорошо, – немного спокойнее отозвался он. – Может быть, даже отлично. Увидимся перед смертью.

Человек повернулся и тем же ровным шагом удалился по набережной. Руки мои тряслись, однако я сжал гитару и допел «Северный ветер» Фадеева и Линды.

* * *

За полгода до поступления в универ, белой морозной зимой я крестился в церкви на Вознесенской горке. Крестился осознанно, обретая веру в позднем подростковом возрасте.

На меня повлияло общение с семьёй друга детства, чтение и обсуждение с ним книг о православных святых и подвижниках. Мы с другом часами говорили о прочитанном, примеряя древние истины к нашему времени, полному суеты и неопределённости.

Так что этот человек с набережной смог произвести на меня впечатление!

Друзья же говорили мне, что в последнее время на улицах полно городских сумасшедших, а потому переживать не о чем.

Надеюсь, они были правы, ха.

Глава 6

Где-то к концу лета на вечерней сессии с гитарой в моей голове что-то щёлкнуло: а ведь я мог бы так играть не только здесь, рядом с домом... У меня получилось бы петь под гитару и в других городах! И вообще – я мог бы так путешествовать!

Набережные и бульвары, где играют уличные музыканты, есть везде, развивал я мысль; на ужин себе я бы заработал. Перемещаться можно автостопом: я знал, что в теории тебя бесплатно могут подбросить по трассам между городами. Ночёвки найдутся у новых друзей, с которыми придётся знакомиться на месте. В крайнем случае всегда можно переночевать на природе.

Звучит туманно и авантюрно, но, возможно, план осуществим?..

До сих пор я не бывал нигде, кроме родного города или, самое большее, области. Москва, Питер, другие известные города – все они были красивыми картинками в моей голове. Как круто было бы увидеть их вживую!

Заодно я бы узнал, чего я стою в этом мире без привычного оберегающего панциря: дома, старых друзей, стипендии. Смогу ли я так выжить – да ещё и перемещаться по стране?

Путешествовать без денег, с одной только гитарой. Реальная, полная в самом экзистенциальном смысле свобода.

Эта идея по-настоящему вдохновила меня!

Серебряный свет разбудил тебя,
Невидимые открылись двери.
Собирайся, тебя ждёт ветер —
Поменять покой на шум моря.

* * *

Весь следующий учебный год, занимаясь параллельно кучей разных дел, я медленно вынашивал идею автономного путешествия.

Купив большую карту России, я периодически раскладывал её на полу и рисовал потенциальный маршрут. Вопросов набиралось много, карта позволяла визуализировать пути и сценарии, но пока моя задумка выглядела фантастически: примерно так же я мог чертить маршруты перелётов к другим звёздам.

Своими мыслями я делился с другом, потрясающим добряком Александром Куракиным.

С Александром я был знаком пару лет. Он учился в юридическом, носил очки в массивной классической оправе, говорил глубоким баритоном и зажигательно хохотал. Жил он недалеко от моего универа, так что я часто заходил к нему в гости, делясь аккордами недавно подобранных песен Бориса Гребенщикова – БГ, как все говорили. Мы оба по нему фанатели.

Планируемое мною путешествие тоже стало темой нашего общения.

– Логистически получается, что, выезжая из Еката, я должен проехать Пермь, Казань, Нижний Новгород и задержаться в Москве. Дальше двигаюсь в Питер – через Тверь, Валдай, Великий Новгород. Непонятно только, как возвращаться. Ехать из Питера тем же маршрутом

обратно в Екатеринбург не очень интересно... – Так я включал фантазию и визуализировал предполагаемую траекторию движения по стране.

– Лёха, смотри, можно срезать и ехать обратно напрямую – через Череповец, Ярославль, а дальше снова через Нижний, Пермь, и так до Еката! – включался в обсуждение Александр.

* * *

Подковывая себя в теоретической части, я вооружился небольшой книжкой, где рассказывалось, что такое автостоп и как им заниматься. Оттуда я почерпнул несколько полезных советов.

К примеру, следовало думать об удобстве водителя больше, чем о себе: вставайте с голосованием там, где водителю удобно остановиться, а не там, где удобно стоять вам.

Также мне запомнилась фишка про ГАИ: да, в теории вы можете голосовать у поста и в самом крайнем случае даже попросить гаишника остановить для вас машину, но имейте в виду: обращение к «тёмным силам» когда-нибудь к вам вернётся.

Давались в книжке советы и про «вписки» – ночёвки у знакомых в новом городе. После вашего визита всё в квартире должно выглядеть лучше, чем было до вас. Если вам разрешили принять душ, вымойте за собой ванну так, чтобы она выглядела чище, чем до того, как вы туда залезли!

Делился я своей идеей и с другими друзьями. В ответ, случалось, слышал мнение: «Когда-то это было возможно, но в наше время это настоящий экстрим!» Однако те, кто хорошо знал меня, говорили иначе:

– Просто прыгай, Лёха, крылья вырастут в полёте!

* * *

Время шло, мне исполнилось восемнадцать, я заканчивал второй курс УГТУ. Приближалось лето, в начале которого я должен был сесть в свою первую попутку и двинуться к Москве!

Хорошо помню магазин на Гагарина, где я покупал для будущего похода рюкзак, выбирая между маленьким дорожным и большим альпинистским. Я выбрал вариант покрупнее. Ожидалось, что он обеспечит мне больше автономности, расширит возможности перемещения и позволит спать в любых местах. Да и в целом выглядел он внушительно.

С очередной стипендии я купил несколько банок консервов и пару пакетов крупы: тогда я думал, что буду варить себе кашу в котелке у дороги. Простой как три рубля спальник, лёгкая ветровка от дождя, бельё, походный нож, зажигалка, запасной набор струн, горсть медиаторов. Кажется, это было всё.

Мой габаритный рюкзак чувствовал себя полупустым с таким скромным набором, но всегда хорошо иметь пространство про запас, так что на эту тему я не переживал. Завершив подготовку, я поставил рюкзак на видное место на кухне. Он должен был напоминать мне о том, что выезд не за горами.

Апрель, май – и грянет лето.

Глава 7

Так, не спеша, но уверенно, я продвигался в своих планах, и вдруг в конце мая ко мне приехала мама – для важного, по её словам, разговора.

– Алёша, вот смотри... – Мама всегда звала меня уменьшительным именем, исключения составляли редкие поворотные моменты, когда я становился для неё Алексеем. – Подруга моя, Света... Помнишь, в киоске работала? Они с матерью заняли денег и выкупили этот киоск и второй рядом. Теперь работают на себя, наняли продавцов. Света говорит, что трудно, но она справляется. Обновила гардероб, купила шубу, выглядит хорошо.

Мы разговаривали на маленькой, давно не видевшей ремонта кухне; окно её выходило во двор.

Мать налила в кружку кипятку из старого алюминиевого чайника и поискала заварку. Её у меня в доме не нашлось: конец месяца, продукты к этому времени заканчивались. Мать села за стол и поставила кружку с кипятком перед собой.

– Так... Хорошо, и?... – Я пока не очень понимал, к чему она ведёт.

– Нам реально нечего есть сейчас, очень тяжело в семье. Вадиму тоже нелегко.

(Вадим, мой младший брат, ещё ходил в школу и жил с родителями.)

Мать оторвалась от кружки и посмотрела на меня:

– Нам нужно что-то делать, понимаешь?

Я прекрасно её понимал.

Разговор перерастал Алёшу и начинал претендовать на Алексея. Я подошёл к окну посмотреть на знакомые молодые деревья во дворе, на их свежую листву: ветки тянулись к моему этажу; каждый год они становились ближе, но до моих рук пока не дотягивались.

– Мама, ты что, тоже хочешь купить киоск?

– Да Света сказала, что поможет, всё покажет. Я её давно знаю, могу доверять ей. Деньги можно взять под залог квартиры – она наша с тобой, мы можем решить это. – Мать заговорила быстрее, похоже, это была важная для неё тема, она видела открывшуюся возможность, которую не хотела упускать.

– Слушай, мам, ты помнишь, что я скоро выезжаю в путешествие? Вот, даже собрал всё к поездке. – Я показал на ждущий меня в кухонном углу рюкзак.

– В семье есть нечего, а ты в путешествие собираешься? Ну, нечего сказать...

Жизнь в ту пору была непростой, и мать точно можно было понять – действительность настоятельно требовала перемен. Мелкой торговлей в девяностые занимались люди с небольшими деньгами, и мы могли бы вступить в это новое для нас сословие. Мать была уверена, что лучшим кандидатом на организацию такого бизнеса буду я.

Что я мог ответить на материнские запросы? Это и вправду походило на сыновний долг, и мать, наверное, была права. Надо пробовать. Кругом к тому же просматривался прогресс: на смену киоскам – железным будкам понемногу приходили современные конструкции, всё начинало выглядеть цивилизованно. Да и вообще, меня, молодого, считающего копейки человека слово «бизнес» вдохновило – возможно, это шанс изменить нашу жизнь!

Таким образом, прямо на моих глазах вынашиваемая с прошлого года мечта о путешествии каким-то волшебным образом начала рассасываться в воздухе, и мои мысли и усилия на ближайший год погрузились в совершенно новую для меня коммерческую тематику.

* * *

Пролетел ещё год, мне стукнуло девятнадцать.

За это время я прошёл свою первую школу бизнеса, притом в самом практическом, земном её приложении. В годовую программу обучения входили следующие предметы: установление и поддержание контактов с бандитами, крышующими торговые площади в центре города; постройка там павильона в новом торговом комплексе у кинотеатра «Октябрь»; наём двух продавцов и управление ими; закупка товара на оптовых рынках и эксперименты с ассортиментом; сбор выручки; общение с городской администрацией и коллегами по соседним магазинам; и, наконец, отстёгивание бандитам и выплаты банку.

Остаток после всех выплат (а это было не так уж и много) доставался семье и мне самому.

Нужно признать, история с киоском стала для меня настоящей эпопеей!

Всё началось с того, что постройка нашего остановочного комплекса затянулась на полгода. В первую очередь задержка относилась к капитальному строительству, за которое отвечала контора, нанятая бандитами на деньги торговцев, а потом затронула и оформление интерьера в виде полок и другого торгового оборудования, за которое отвечал я сам.

Шли месяцы. Мы смотрели, как строители кладут бетонный фундамент, возводят стальной каркас, а затем закрывают всё огромными стеклянными блоками. Напоследок, зимой, я ещё несколько недель ходил со столяром выстругивать и подгонять полки и доводить помещение до ума. На улице было минус двадцать пять, и спасались мы только дымящимися корндодгами, которые покупали в будочке на углу у «Октября» и за которыми бегали каждые три часа, притопывая ногами от холода.

В итоге вместо запуска ранней осенью мы выходили на открытие в февральские морозы.

В зимнем тумане на Карла Либкнехта поднялись высокие стеклянные конструкции, смотрящие на оживлённую улицу прозрачными витринами четырёхметровой высоты. Зеркальными задниками в форме черепаших панцирей они выходили на троллейбусную остановку. Да, это были наши павильоны!

Толпы народа в облаках пара вываливались из троллейбусов. Поднимая воротники, люди быстрым шагом направлялись к проспекту Ленина. По пути они заглядывали в витрины в привычном поиске сигарет и сникерсов, однако до запуска оставалась пара недель, и потенциальные покупатели спешили дальше, вызывая у нас, торговцев, физическую боль от ускользающей выручки.

* * *

Первые недели после открытия были сумасшедшими. Пока я не нанял продавцов, мне и матери приходилось спать, чередуясь, в холодном киоске, еле прогреваемом электрической печкой, просыпаясь для продажи пачки сигарет или бутылки пива в четыре часа утра.

Раза два в неделю около восьми утра я садился в нанятую потрёпанную «Газель» с фургоном и ехал по двум-трём оптовым рынкам на закупки. В одном месте покупались коробка шоколадных батончиков по хорошим ценам, в другом приобретались блоки сигарет, в третьем я договаривался о доставке пива.

Всё оплачивалось наличными из кассы – их я таскал с собой в специальной сумке на поясе. Ох, как ловко я научился пересчитывать мятые, затёртые купюры!

Мы продавали классику уличной торговли: сигареты, газировку, шоколадные батончики, сладкие рулеты, пиво. В топе были крабовые чипсы; неплохо шёл джин-тоник в банках – даже зимой. Не обходилось без крепкого алкоголя. И ещё, из чувства прекрасного, на отдельном рынке я закупал массандровские вина и зелёные оливки из Италии: первый раз в жизни попробовал их на вкус, захватив банку на вечеринку с друзьями!

* * *

Среди историй того времени особняком стояли взаимоотношения с бандитами, державшими нашу территорию.

С нами работала одна из «центровых» бригад в четыре человека, все их знали в лицо. Не знаю, чем точно занимались эти молодые, до тридцати лет ребята в свободное от нас время... Бывало, кто-то из них исчезал на несколько месяцев, а кто-то, вдруг пропав, после паузы появлялся на костылях.

Отношения с ними складывались нормальные, но все знали расклад: нормальные, пока ты платишь, а дальше всё решают другие методы.

Однажды, подходя к нашему комплексу, я заметил белый дым, поднимающийся из дальней его части. Добежав до места, я обнаружил у павильона «Радиоэлектроника», соседнего с моим, пожарных. Они уже завершили своё дело и сворачивали шланги, протянутые от пожарной машины, поставленной на остановке за нашими киосками. За ней образовался целый затор из троллейбусов!

Залитый в процессе тушения павильон выгорел внутри почти полностью, несколько витрин растрескались и обвалились. Думаю, там сгорел весь товар, да и само строение нуждалось теперь в капитальном ремонте.

Как мне потом рассказали соседи, питерская компания, работавшая в этом месте и владеющая сетью магазинов радиоэлектроники, отказалась оплачивать «центровым» тариф на «крышу» по новым, повышенным расценкам. Питерские подключили свои каналы и людей – пошли на принцип. В результате им дали понять, что церемониться с их бизнесом никто не станет, откуда бы они ни были.

Ребята с электроникой съехали. После ремонта павильона в нём открыла магазинчик хозяйственных товаров совершенно другая компания.

* * *

Вся эта торговая история была нереально новой, местами жёсткой и отрезвляющей, но, должен признаться, увлекательной. Думаю, целый новый слой личности вырос на мне за тот год, и было ясно, что наработанный опыт точно не будет лишним в дальнейшем.

Глава 8

И вот наступило очередное лето! Киоск худо-бедно функционирует, основные процессы настроены, а я уже не занимаю на своём малом предприятии одновременно должности директора, закупщика, продавца и мальчика на подхвате.

У меня снова появилось время для музыки, и я выбираюсь на Плотинку с гитарой – теперь из чистой любви к искусству. Имея небольшой доход от бизнеса, я мог позволить себе играть на бульваре исключительно в своё удовольствие. Было приятно стоять на берегу, петь и видеть, как люди останавливаются, слушают, как-то реагируют.

Но чувствовалось во всём этом что-то не то, и легко догадаться, что именно.

Несмотря на ежедневную занятость – учёба, киоск, репетиции с группой, «Телефон доверия», на поверхность моего сознания вновь выплывали мысли о путешествии. И они по-прежнему пробуждали во мне настоящее вдохновение!

Кроме того, даже с появившимися деньгами от бизнеса я сохранил первоначальную идею: путешествовать без денег, с одной гитарой. Увидеть себя как есть, взобраться на уходящую в небо скалу без страховки – эта идея будоражила моё сознание.

Я вернулся к своей подготовке.

Рюкзак с прошлогодними консервами опять переехал из кладовки на видное место.

Кроме того, пора было собирать более продвинутый комплект инструментов уличного музыканта – и начать следовало с акустической гитары, подходящей для игры на улице.

Моя старая акустика точно отслужила своё. То была фанерная гитарка с тоненьким голоском, из которой что-то внятное можно было извлечь только в домашней записи, приставляя инструмент вплотную к микрофону. При игре вне дома её нежная конституция в пух и прах проигрывала уличным шумам: она давала скорее балалаечный звон, нежели гитарный тембр.

Новую гитару я выбирал с чувством, с толком, с расстановкой. У меня завелись деньги от бизнеса, так что я искал подругу посерьёзнее и для долгих отношений.

После двухмесячного хождения по музыкальным магазинам я встретил наконец экземпляр, который лёг в руки как родной! Тёмная акустическая гитара с крупным выпуклым корпусом, гравировкой на обечайке, чёрным матовым грифом и красивым орнаментом розетки. Качество звука гарантировали редкая ситхинская ель, из которой была сделана верхняя дека, и благородное красное дерево деки нижней. В комплекте с гитарой шёл непромокаемый мягкий чёрный чехол.

С первого же прогона на Плотинке я почувствовал разницу!

Кажется, и прохожие заметили чарующий звук этого инструмента: моя новая акустика не только чётко доносила мелодии, но и раскатывалась тембром на низах! С такой гитарой я гораздо увереннее представлял себя в долгом путешествии. Ведь моё выживание будет зависеть от неё – в самом прямом смысле!

Ещё мне в голову пришла идея обзавестись губной гармошкой с самодельным держателем. Купил я её за копейки в одном из магазинов, где присматривал гитару. Работала гармошка в связке с хомутом – проволочной конструкцией, надеваемой на шею. На хомуте закрепляется гармошка, и исполнитель может играть на гитаре и петь, а в вокальных паузах подыгрывать себе на дополнительном инструменте.

Когда выступаешь в такой амуниции, ощущаешь себя таким человеком-оркестром, и у публики это вызывает особый интерес: ты уже не очередной «гитарист в переходе», а настоящий шоумен!

* * *

В один из июньских дней я взял свой новый чёрный джинсовый костюм и порезал его до дыр хозяйственными ножницами – и штаны, и куртку.

– Ты что, попал под комбайн?

Так надо мной ржали торговцы-коллеги в соседних павильончиках, когда я в изрезанных джинсах заявился по каким-то делам к себе. А мне нравилось! Светило летнее уральское солнце, мои отросшие волосы ловили лёгкий ветер, я шёл по улицам с гитарой в рваном костюме, и прохожие смотрели на меня и улыбались.

Вместе с ними улыбался и я.

Признаюсь, иногда меня посещало ощущение, что всё играет против моего плана, что мой микробизнес даже в теории не отпустит меня в какую-то непонятную поездку, что от меня ждёт надёжности семья, что я просто не знаю, когда и как начинать свой путь.

Но чаще мысли о запланированном путешествии грели мою душу и заряжали так, что я отбрасывал все сомнения.

Глава 9

Глядя сквозь годы на то, что я делал тогда, не перестаю удивляться основательности своей подготовки.

Думаю, это была исключительно интуитивная потребность, на грани инстинкта самосохранения – перед прыжком проверить манящую воду. Не хотелось свариться в кипятке, хотелось выйти молодцом.

Я начал ходить на тусовки неформалов нашего города – так, будто я был не местным, а проезжающим из другого города автостопщиком, который находится в поисках знакомств и места для ночёвки.

В центре любого города существует классическое арт-место. В нашем городе это была «Плита» у ЦУМа. Художники выставляли там свои картины, а волосатые парни вроде меня играли на гитарах. Люди знакомились, общались и просто тусили. Вечерами я стал приходить на «Плиту» и знакомиться с обитающими там неформалами под свою нехитрую легенду заезжего гостя. Конечно, всегда был риск наткнуться на кого-то знакомого, но пока удача была со мной.

Как-то вечером я набрался храбрости и заявил в кругу неформалов, что хотел бы найти вписку, потому что мне негде переночевать. Слабо прикрытая, но в целом невинная ложь.

Неожиданным образом на мою просьбу откликнулась миниатюрная зеленоглазая девушка. Ей было лет шестнадцать-семнадцать, звали её Аней, она была милой и даже симпатичной; лишь пирсинг в носу диссонировал с её невинным видом.

– Привет, народ, здесь где-то можно найти вписку на ночь?

– Привет! – Аня, похоже, присматривалась ко мне. – А ты откуда?

– Да проездом тут, на пару ночей, дальше в Питер еду. – Я врал и не краснел.

– Слушай, ну у меня можно переночевать, я только родителей предупрежу. Давай тогда в семь снова здесь?

«Родителей, – отметил я про себя. – Ну ладно, в конце-то концов, мне надо просто переночевать, остальное уже детали».

– Конечно, спасибо, обязательно буду!

Ребята в компании удивились столь быстрому контакту, я же был воодушевлён и благодарен этой незнакомой девушке; и больше всего я радовался тому, что удивительная концепция «нахожу вписку у незнакомых людей», похоже, работала.

Аня жила в Пионерском посёлке, одном из спальных районов Екатеринбурга. От «Плиты» мы поехали на трамвае, затем пешком добрались до новой многоэтажки, поднялись на лифте и вошли в квартиру.

Нас встретили её родители. Можно представить моё удивление, когда вместо ожидаемого скандала я увидел любящую и понимающую семью – вежливых маму и папу, которые, судя по всему, адекватно относились к закидонам юной дочери.

Аня познакомила нас и провела меня в свою комнату. Нам принесли перекусить, а потом и вообще позвали на кухню ужинать. Здесь я должен был подумать: что-то тут слишком не так! Однако всё было в порядке, мне просто нереально повезло с моей первой впиской!

К слову, таких мажорных ночёвок у меня больше не было во всей этой истории; наверное, это был подарок неба на пробу – чтобы я не боялся будущего.

Меня уложили в углу Аниной комнаты, постелили простое одеяло, дали подушку, плед, и я прекрасно выспался. Меня даже накормили завтраком! Короче, это оказалась самая нереальная вписка в моей жизни! Сама судьба словно шептала: вперёд, друг мой, впереди тебя ждут замечательные приключения!

После завтрака, в прекрасном настроении, я поблагодарил Аню и отправился домой со своей гитарой и гигантским, пока вхолостую катающимся на спине рюкзаком. Было о чём подумать с этой первой, такой вдохновляющей ночёвкой!

* * *

В настоящем путешествии чудес лучше не ждать. С такой установкой, и чтобы жизнь не казалась мёдом, я начал переносить себя в ситуации, противоположные первому опыту.

Поздним вечером или ночью, особенно если лил дождь, я брал рюкзак, укладывал гитару в непромокаемый чехол, надевал куртку с капюшоном, выходил на улицу и шёл куда глядят глаза – напролом между домами, под мостами, через дороги, дальше и дальше от дома. Это было то, что мне нужно: примерно таким мне виделся сценарий, когда я не нахожу вписку и вынужден скитаться по незнакомому городу в поисках угла на ночь.

В один из таких ночных заходов под холодным ливнем я подумал: пожалуй, пора протестировать полный пакет бомж-ночёвки. Если я застряну таким образом в каком-нибудь городе, что я буду делать, где спать? Вариант «на лавочке в парке», пусть и небезопасный, в теории сработал бы, но только в сухую погоду.

Прячась от ливня, я нырнул в одну из встретившихся пятиэтажек и подумал: «А ведь это неплохая идея! Может, попробовать поспать в подъезде?»

Найти укромное местечко в предбаннике, за дверью, – вот первое, что пришло мне в голову. Вроде не льёт, и выход близко.

Как ни странно, никакого уютного местечка при входе не обнаружилось. В этом старом доме дверь подъезда при открытии перекрывала всё входное пространство.

Поднявшись на один пролёт, я решил, что, в теории, могу прилечь на лестничной площадке между первым и вторым этажами. Одна проблема – в этом случае слишком велика вероятность того, что на меня наткнутся жильцы с верхних этажей. Нужно подниматься выше.

Кстати, может быть, открыт вход на чердак? В кино такие проходы всегда свободны – тут тебе и сюжетная линия, и красивая панорама!

В жизни, конечно же, всё оказалось грубее и проще. На пятом этаже я уткнулся в клетку, отгораживающую ведущую на крышу лестницу. На грубой металлической двери висел большой амбарный замок. На этом месте кино с романтической ночёвкой на уютном чердаке закончилось.

Оставалось только прилечь прямо на каменном полу рядом с клеткой, что я и сделал. Мои ноги чуть ли не упирались в одну из квартирных дверей на этаже.

Я достал из рюкзака спальник, одеяло, снял мокрую дождевую куртку. Как поступить с изрядно подмокшей джинсовкой и штанами? Их я решил не снимать, в конце концов, сегодня я ночую не в гостинице и не у ангела-мажорки, буду спать как есть.

Засыпать было холодно, мокро и страшно неудобно. Для эффекта полного дискомфорта на этаже горел яркий свет, который пробивался даже сквозь руку, которой я прикрывал лицо.

В тот момент я почувствовал себя настоящим махровым бомжом: мокрым, помятым, скорчившимся в углу, как беспризорная собака. Утром ещё наверняка проснусь больным от холода и сырости.

Всё это было очень и очень стрёмно. И, конечно же, такому приключению требовался финальный аккорд.

Его исполнила тётка из той самой квартиры, в дверь которой я упирался ногами.

Примерно в шесть утра, держа в руке ведро с мусором, она открыла дверь и обнаружила меня. Тётка заорала так, что я проснулся мигом: как будто всю жизнь ждал этого момента. Криком она не ограничилась – ещё и пнула меня (ну точно: бродячий пёс!). Спасибо хоть не вывалила на меня свой мусор!

Тётка дала понять, что мне пора проваливать, и даже прочитала нотацию. Честно, на её месте я бы сделал то же самое. Я встал, молча затолкал спальный мешок в мокрый по-прежнему рюкзак, схватил куртку, гитару и быстро зашагал по лестничным пролётам вниз.

В приступе позитива я думал: в итоге-то место для ночёвки нашлось! Эксперимент удался, пусть всё прошло и не так гладко, как бывало раньше. С чувством выполненного долга я направлялся домой – принимать горячий душ и досыпать.

* * *

Если бы меня тогда спросили: как я оцениваю уровень своей готовности к планируемому путешествию, – что бы я ответил? Думаю, я точно не был готов, но, наверное, смог бы адаптироваться к тому, что мне предстоит.

Мои эксперименты внушали осторожный оптимизм: при определённом уровне одержимости и одновременно пофигизма выжить я должен был даже при экстремальных сценариях. Но в глубине души я осознавал: на самом деле я ничего не знаю, ничего не понимаю, всё это очень страшно, и как я буду выживать, только богу известно.

Как вскоре станет ясно, эта подготовка и домашние тренировки мнегодились, но они не описывали и десятой части того, что ждало меня впереди.

Глава 10

Лето медленно переваливало за экватор. При всех моих тщательных приготовлениях становилось ясно: моя мечта либо очень скоро сбудется, либо, если я не предприму экстраординарных действий, ей уже никогда не увидеть свет.

Я задумал выехать самое позднее в июле – с тем, чтобы обеспечить себе про запас хотя бы месяц благоприятной погоды. И когда уже второе лето моих планов подходило к концу, мне делалось не по себе. Жизнь как будто заявляла, что она не поддерживает мои сумасшедшие идеи. Наоборот, ей нравились стабильность и системность. Необходимо было ломать и себя, и многое вокруг, чтобы заслужить шанс вырваться из обычного цикла.

С первых дней августа запилили обычные уральские дожди, а с ними повеяло и прохладой. Жизнь шла своим чередом; магазинчик продолжал торговлю; повседневная рутина, привычка и общий комфорт крепко держали меня.

Кроме того, приближался День города. В Екатеринбурге того времени такой праздник для торговцев в центре был большим событием.

В прошлом году я участвовал в таком мероприятии, и это выглядело сумасшедшим пивным Клондайком!

Наверное, миллион, ну ладно, сотни тысяч человек собираются в центре города, кружат праздничными толпами по одной-двум главным улицам и бесконечно покупают чипсы, крекеры и, конечно, пиво! Так вот, я находился по другую сторону праздника – продавал эти чипсы и пиво жаждущим людям. С учётом дополнительных точек, выставляемых на праздник, дневная выручка в такое мероприятие примерно равнялась недельной, если не больше, выручке моего бизнеса в обычные дни!

На следующий день я сидел дома и смотрел на вываленную на обеденный стол кучу бумажных денег: их было много, непривычно много. И они выглядели как настоящий успех!

Короче, к такому важному мероприятию полагалось готовиться заблаговременно, и на этот раз я понимал, что делать и чего ждать.

Я подготовил пачку документов на торговое место, внёс какие-то деньги, а в качестве финального этапа должен был подать заявку в городскую администрацию для получения окончательного подтверждения.

* * *

И вот в один из таких суматошных дней на меня налетает Александр Куракин, мой старый дружище.

В обычное время мы обращались друг к другу по привычным именам, но в особых случаях я звал его Александр, с ударением на последний слог, а он меня – Алéксий, с ударением на второй. Не помню, откуда это повелось, но в такие моменты у меня складывалось впечатление, что я обращаюсь к Александру Македонскому, а Сашка, наверное, воображал, что обращается почти как к московскому патриарху.

– Лёха, привет! Я купил-таки билет, выезжаю в этот четверг!

– Ты про Мурманск, что ли? Неужели?

Куракин всё лето планировал съездить к своей бабушке, но никак не мог собраться. Он был родом из этого северного города и старался поддерживать семейные связи.

– Ну да, утром выезжаю, через Питер, почти двое суток ехать. Яйца сварил, жарю курицу! Сашка не успел договорить, как в моём сердце что-то щёлкнуло. Я понял: это последний шанс.

– Слушай, Александр, давай я тебя провожу!

– Ты серьёзно, Алéксий?

– Ну да, у меня вроде есть время, когда там поезд, ты говоришь?..

Я поспешил домой, вытащил рюкзак на середину комнаты и смотрел на него несколько минут. Требовалась особая пауза, чтобы осознать, насколько странной и одновременно сильной была эта идея.

Если что-то и могло вырвать меня из ежедневного круга событий, неизбежно поглощавших меня, так именно этот свалившийся с неба поезд. Он мог стать магическим пинком, катапультирующим меня в другую, давно и настойчиво зовущую реальность. Мою душу захлестнуло вдохновение, я испытал невероятный подъём. Я вот-вот сделаю это – эта мысль окрыляла меня!

Сейчас или никогда.

Примерно через час до меня дошли и другие мысли.

Начало августа с дождями и фактический конец лета представлялись не лучшим временем для дорожных приключений. Это придётся принять, успокоил я себя, подходящие июнь и июль я честно проспал, так что нечего выделываться. Возьму вещи потеплее. Кроме того, я должен уложиться в две, максимум три недели, так что вернусь к концу августа, прямо к учёбе. Здесь вроде бы всё складывается.

Теперь этот День города... Ладно, с ним тоже в целом ясно. Деньги всегда были классическим человеческим искушением, и ожидать другого в такой ситуации я бы и не стал. Переживём без Дня города и рек пива!

Так, а поддержка магазина? В целом он работает почти автономно, в конце концов, предупреду мать.

И да: на сей раз планы определяю я!

Глава 11

Начало августа. Четверг. Утро.

Гитара в чехле, в нём же запасные струны, медиаторы, губная гармошка. На мне чёрный резаный джинсовый костюм, в рюкзаке – старый набор, к которому я предусмотрительно добавил бутылку для воды, свитер и «пенку» – теплоизолирующий коврик для сна на холодной земле. Теперь рюкзак был заполнен почти под завязку – выбор альпинистского варианта был верным.

Засовываю паспорт поглубже во внутренний карман рюкзака и выезжаю на вокзал.

Хороший знак – светит солнце, погода отличная! Вот и вокзал. Быстрым шагом двигаюсь к назначенному пути отправления. Вижу Куракина.

Саня таращит на меня глаза:

– Привет! Ты чего с рюкзаком? Ещё и с гитарой...

– Короче, такое дело... Если ты не против, я выезжаю с тобой, только зайцем. Прикроешь меня, Саня? Я запускаю так свой автостоп. Понимаю, что звучит дико, но это, похоже, мой шанс!

Куракинские глаза становятся ещё больше, однако он в курсе моих давних планов, а его доброта не ведаёт границ:

– Ни фиги себе... Ладно, как размещаемся?

– Предлагаю так: я передаю свои вещи тебе, говорим проводнику, что я провожающий.

Дальше на месте разберёмся, я спрячусь по ходу где-нибудь.

– Вот это да! И куда ты едешь?

– До Питера, дай бог.

– Ладно, грузимся!

Мы заходим в вагон и протискиваемся до нужного купе. Место Александра справа внизу. Закидываем рюкзак и гитару на самую верхнюю, багажную полку – я сразу её приметил на будущее. Двадцать минут до отправления. Это время и даже чуть дольше мне нужно сидеть в купе, не отвечивать и ждать ключевого момента – проверки билетов.

Соседями по купе оказались пожилые супруги, занявшие оба места слева. Они успели комфортно расположиться к нашему приходу, и мы обменялись приветствиями. Скрывать наши планы было нелепо, поэтому мы сообщили, что я музыкант, без денег, еду в Питер, и мне необходимо проехать зайцем – на багажной полке.

– Надеемся, вы не против, – сказал я.

Возражений с их стороны не последовало; люди попались понимающие.

Сейчас мне ясно, что это была вполне реальная точка отказа: любой из наших соседей мог просто встать, дойти до проводника и сообщить о происходящем. На этом моё путешествие закончилось бы, не начавшись.

Но судьба благоволила мне, как и всем начинающим авантюристам.

* * *

Адреналин плавно набирал мощь. Пора было переходить к тактическим деталям. Куда я спрячусь при проверке билетов? Начали с очевидного: меня завалили сумками на тре-

твѣй полке и прикрыли гитарой. Но идея тут же отпала: при пристрастной проверке это место всё-таки хорошо просматривалось.

Оставался классический выход – «гроб». Так назывался ящик под нижней спальнѣй полкѣй размером в две трети её длины. Туда обычно укладывали чемоданы или другие крупные вещи. Мы оставили ящик под куракинскѣй полкѣй пустым, а весь багаж забросили наверх. Саша с парѣй сумок приготовился разместиться на своей полке, а я провѣл тест – залез в этот ящик.

Тотчас я понял, почему предыдущее поколение неформальных путешественников прозвало его «гробом».

Длина его никоим образом не соответствовала длине человеческого тела с вытянутыми ногами, их нужно было как-то подгибать под себя, выпячивая колени вверх и вбок и одновременно жутким образом укладывая голову на грудь и стискивая плечи, потому что в ином положении они в этот ящик не помещались. Ещё хуже было то, что при опускании крышки торчащие колени поддавливали её снизу, не давая «гробу» нормально закрыться.

В таком скрюченном положении не протянуть и полчаса. Час или дольше?! О таких подвигах не хотелось и думать.

Мы договорились, что я залезу туда на десять минут, на время проверки билетов, а дальше, с окончанием проверки, внимание проводников ослабнет, и я перемещусь вверх, на багажную полку.

Пока мы проводили эксперименты, проводники несколько раз объявили о скором отправлении поезда и сообщили, что провожающие должны освободить вагоны. Но в этот раз сообщение было не для меня...

Поезд тронулся, и моѣ путешествие началось!

Возможно, я слишком долго готовился, слишком глубоко погрузился в момент. И вообще всё происходило не так, как я многократно себе представлял. Поэтому оценить и прочувствовать минуту старта я тогда не мог. Тем более ценной она выглядит издалека...

* * *

Проверка билетов началась вскоре после отправления. Наше купе располагалось в середине вагона, очередь подходила быстро. Я залез в ящик, Александр прикрыл полку и слегка придавил её, щедро оставив мне на первое время сантиметров пятнадцать воздуха.

Мы приготовились к включению боевого режима. Проводник проверял билеты у пассажиров в соседнем купе. Пора! Я сгруппировался как мог, продышался и дал отмашку на закрытие. Александр сел на полку и постарался придавить её до конца, утрамбовывая меня в ящике.

Тут я понял: крышка полностью не закрывается! Мешали мои колени и другие части тела, включая голову и выпирающее левое плечо!

Александр подошёл к задаче ответственно: всем весом надавил на полку, чтобы она наконец опустилась на ящик, и, несмотря на сопротивление моих конечностей, на какое-то время ему это даже удалось. Но меня подстерегала новая опасность: я ощущал теперь не только давление на кости, но и нехватку воздуха! Испытать на себе муки жертв древнегреческого Прокруста было по-своему занимательно... на минуту-другую!

Третья же угрожала стать последней.

Я приподнял Куракина вместе с его кроватью и громким шѣпотом взмолился:

– Саня, оставь хоть пару сантиметров, иначе я тут сдохну!

Открылась дверь в наше купе. Сашка сопротивлялся моему давлению, но всё-таки, чуть приподнимаясь на кровати, гуманно обеспечивал меня спасительными воздухом и пространством. Набросив кофту на щель со стороны входа, он наклонился к сумке и достал свой билет. За ним билеты проводнику показали наши соседи. Они не подали виду, что происходит что-то странное, благословив таким образом все мои будущие приключения.

Я старался не дышать, было тесно, страшно и одновременно смешно. Кошмар: на что не пойдёшь ради проекта своей юности!

Отсчитывал я уже не минуты, а секунды. Наконец услышал:

– Лёха, всё, можешь вылезать!

Выбравшись из ящика, я потянулся, вправляя суставы, спрятал обувь и перебрался на верхнюю багажную полку. Меня обставили сумками и прикрыли гитарой, в ноги положили мой большой рюкзак.

Я лежал на боку, немного поджав колени, положив под голову свитер, и чувствовал себя не на третьей полке, а на седьмом небе. Лёгкость, свобода, никто не давит, можно дышать и даже крутить головой!

Поезд набирал скорость, в окне мелькали дома и железнодорожные пути. Я ехал на лучшем в мире месте и готов был провести там хоть сутки, хоть двое до самого Питера – так я был счастлив!

– Живём, Александр!

– Вроде в порядке, Алёксий!

Глава 12

Пристальное внимание проводников к пассажирам и их билетам улетучилось тотчас после проверки. Как я понял тогда, на пути у нас не было других больших станций с запуском провожающих. В вагоны заходили исключительно пассажиры с билетами, и по поводу безбилетников проводники не волновались.

Понемногу я расслабился. Периодически спускался со своей полки вниз, сидел с Куракиным за купейным столом и общался с ним и соседями.

Я грел свою лапшу, Сашка угощал меня курицей и пирожками, и вскоре я ощутил себя полноценным пассажиром поезда. В течение дня мы болтали, слушали радио, смотрели в окно, периодически меня даже посещали мысли достать гитару и поиграть!

В перерывах между разговорами Александр читал Канта; в его юридическом философию копали глубже, чем в нашем техническом университете. «Критика чистого разума» – классическое название на твёрдой обложке. На пару часов с Сашкиного разрешения я взял его книгу; читал с середины, наудачу.

Как объяснял мне Кант не самым простым языком, пространство и время, которые мы воспринимаем в опыте, субъективны, то есть они – наши же представления, а не существуют сами по себе; а потому всё, что помещается в них, есть тоже наше представление...

В применении к себе, сидящему в этом поезде и перемещающемуся наконец во времени и пространстве, я должен согласиться с Кантом: моё путешествие – порождение исключительно меня самого, моих идей, фантазий и желаний.

Так потихоньку минул день; мы оставили позади значительную часть пути. Опускалась ночь, и я мог снова спрятаться на своей верхней полке и прекрасно ехать дальше во сне – что я с удовольствием и сделал.

* * *

Наступило утро.

Я сидел внизу, как вдруг заметил какую-то движуху в коридоре поезда. Проводники, которых за это время я успел запомнить (а они успели привыкнуть ко мне), общались с какими-то людьми, перемещались по вагону и заглядывали в разные купе. Похоже, проходила пересменка: новая группа проводников принимала у старой всех пассажиров с их билетами.

Эта компания заглядывает к нам и неожиданно просит каждого предъявить его билет.

Вот это засада! С какого хрена? Нам до Питера осталось часов шесть... Неожиданное благополучие явно размягчило мне мозги, отчего я решил, что имею в этом поезде какие-то права.

Когда очередь дошла до меня, я заявил, что я здесь гость, сижу с другом, на самом деле еду в соседнем вагоне и, если нужно, сейчас схожу за билетом.

К моему удивлению, мне разрешили на время удалиться, и проводники переключились на другое купе. Не веря тому, как легко сработал мой трюк, я стащил с верхней полки рюкзак и гитару и жестом дал понять Александру, что сваливаю. Быстрые объятья, секунды на прощание...

Я импровизировал на лету, подозревая, что был у проводников далеко не первым со своими заячьими изобретениями.

Выйдя в коридор и убедившись, что проводники заняты другими пассажирами, я быстро зашагал в противоположную сторону. Но поезд – штука не такая большая, скрыться сложно. Скоро сквозь мутное окно тамбура я увидел, как группа людей в форме пробирается по вагонам, заглядывая в каждое купе и продвигаясь ко мне.

Оставалось только поспешить дальше к голове поезда. Я протискивался со своим багажом между пассажирами, коротавшими время в узких коридорах за просмотром мелькающих лесных пейзажей. Ломиться в чужие купе не было смысла, закрыться в туалете не получалось: как назло, все были заняты.

Скоро проводница и какой-то охранник, которого я раньше не видел, отловили меня в первом вагоне и прижали в тамбуре к стене.

– Так, парниша, ты не охренел ли? Давно залез?

С такую выразительную речью ко мне обратилась взведённая, как курок, плотно сбитая, можно сказать – боевая проводница. Я промолчал. Дух приключений в тот момент отступил, зазвучала нотка стыда.

– Короче, или ты платишь сейчас за проезд, или мы сдаём тебя наряду на следующей станции!

– Я всё понял. Слушайте, денег у меня нет, я путешествую с одной гитарой, до Питера хотел добраться.

– До Питера! Красавчик, классно придумал! Нет денег – плати своей гитарой! – Проводница бросила взгляд на чёрный чехол.

Хмурый пожилой охранник в синей форме сдвинулся вправо, перекрыв мне выход из тамбура.

Потерять единственный инструмент заработка в первые дни путешествия, да ещё в тысяче километров от дома? Это самоубийство. Я сжал посильнее гриф.

– Это точно не вариант, гитару не отдам.

– Тогда вылетаешь на первой же станции, и скажи спасибо, что легко отделался! В следующий раз поедешь в отделение!

Проводница была раздосадована тем, что подоить меня не удастся. Однако возиться со сдачей безбилетника в милицию ни ей, ни охраннику не хотелось.

Этот напряжённый диалог оказался ещё и познавательным. Получается, имей я немного денег, я мог бы урегулировать вопрос и доехать до Питера?

Однако ни денег, ни других ценностей у меня не было, а гитару я отдавать не собирался. И потому спустя десять минут, подталкивая в спину, меня высадили из тамбура на ближайшей станции где-то под Череповцом.

* * *

Спрыгнув с подножки, я глядел вслед уходящему поезду, жалея, что не успел как следует проститься с Куракиным. Поразмыслив же, решил: расклад не такой уж и плохой.

Я проехал основную часть пути до Питера, и до цели оставалось всего часов шесть-семь автостопом – тем самым автомобильным способом, который я так давно себе представлял! Магическая рельсовая катапульта сработала, и за какие-то сутки я очутился рядом с первым крупным городом запланированного путешествия.

Во мне даже проснулся спортивный азарт: что, если я доеду до Питера раньше, чем туда доберётся этот поезд? Встречу Александра на вокзале! То-то он удивится! А я смогу поблагодарить его ещё раз за поездку, уже в спокойной обстановке.

Закинув за спину рюкзак, я взял гитару и осмотрелся. Полузаброшенная пригородная станция: металлический навес от дождя, крошащийся бетонный пол. Вокруг станции тянулось редколесье. Местность безлюдная; впрочем, поблизости шумела загруженная дорога – к ней от перрона вела едва приметная тропинка.

На трассе я остановил легковушку, водитель которой ехал до Череповца. Первая машина в моём путешествии!

Часть 2. Екатеринбург – Питер – Москва

*Мы ни в кулачном бою, ни в борьбе далеко не отличны.
На ноги быстры зато, мореходцы же – первые в мире.
Любим всем сердцем пиры, хороводные пляски, кифару,
Ванны горячие, смену одежды и мягкое ложе.
Гомер. Одиссея*

Глава 13

Остановившись, водитель белой запylённой иномарки приоткрыл окно. На шумной трассе его голос слышен был плохо, вдобавок из машины неслась «Зимняя вишня» Анжелики Варум.

– Куда едешь, гитарист?

– Здравствуйте! Я путешествую автостопом без денег! – Я почти кричал, но в дорожном шуме еле себя слышал. – Еду в Питер, буду благодарен, если подбросите!

Сколько раз я репетировал что-то подобное про себя в разных вариациях – и наконец произнёс эти слова в реальной обстановке!

– Могу подбросить до Череповца, подойдёт? – Водитель был настроен дружелюбно.

– Да, отлично, спасибо большое!

Забросив рюкзак и гитару на заднее сиденье, я сел спереди и пристегнулся. Не теряя времени, водитель придавил газ, и мы продолжили путь вместе.

В дальнейшем, если мне попадалась легковушка, я всегда старался садиться спереди: водителю спокойнее, когда он видит незнакомого человека рядом, а не где-то сзади. Ещё хорошая привычка – пристёгиваться: и для безопасности, и чтобы не дожидаться напоминания.

Про отсутствие денег я тоже говорил сразу, чтобы избежать возможного недопонимания. Моё отработанное приветствие сразу всё расставляло по местам.

Легковушку вёл мужчина лет тридцати спортивного вида с тёмными волосами, короткой стрижкой и лёгкой щетиной. Он был в аккуратной клетчатой рубашке, похоже, ехал по рабочим делам. Убавив громкость радио, водитель представился:

– Я Вадим. Ну и как путешествие?

– Алексей, очень приятно... Да пока отлично, я еду из Екатеринбурга, досюда добирался поездом, вы – моя первая машина вообще.

– Ого, поздравляю! – Вадим широко улыбнулся.

– Еду в Питер, дальше в Москву!

– И не страшно по трассам так разъезжать?

Этот вопрос я услышу от водителей ещё не раз.

– Да вроде нет, пока всё нормально складывается, вот вы меня подвозите, жаловаться не на что.

Машина Вадима была простой рабочей лошадкой: немного потёртый тёмный салон, пара украшений на панели, наклейки сбоку на лобовом стекле – пропуска на какое-то предприятие. Лёгкий запах бензина просачивался в салон.

Вадим искренне заинтересовался моей историей, идеей автономности и в целом автостопным путешествием. Пока мы ехали, что-то около часа, он поддерживал разговор. Думаю, в моём лице он встретил неожиданный артефакт какой-то другой, параллельной вселенной.

Ещё вчера я и сам был обыкновенным человеком, таким же, как Вадим, а сейчас понимал, что казался ему кем-то вроде пришельца. Ну и ладно, я не возражал.

– Так, скоро развилка на объездную. Череповец будет направо, трасса на Питер – налево. Там тебе уже другую машину надо ловить.

– Понял, хорошо. Спасибо большое, что подбросили, и был рад пообщаться!

Мы подъезжали к скульптурному знаку «Череповец». Вадим остановил машину и вдруг попросил меня задержаться на минутку. Он снял с зеркала на лобовом стекле небольшой талисман – миниатюрные красно-белые кожаные боксёрские перчатки.

– Держи, это тебе на удачу!

– Ого! – Я и вправду удивился. – Спасибо, Вадим! Беру, буду беречь!

Я взял талисман, вытащил на обочину гитару, рюкзак, попрощался и захлопнул двери.

Отъезжая, Вадим показал мне жест удачи – кулак с оттопыренным большим пальцем. Снова поблагодарив этого человека, уже про себя, я в очередной раз удивился людям – в самом добром смысле этих слов.

Глава 14

Посмотрев на навигационные знаки и перейдя по указателю на нужную трассу, я встал с голосованием. Пройдя крещение первой поездкой, я не испытывал страха.

Вглядываясь в проезжающие машины, я поднимал руку, когда, как мне казалось, приближался подходящий вариант: легковое авто с одним водителем или грузовик вроде фуры с контейнером. Позднее, с опытом, я понял, что руку нужно держать всегда: выстреливали подчас неожиданные варианты. До таблички с текстом в руках я тогда не дорос, да, похоже, она и не требовалась: в дневное время везде на своём пути я ловил попутку минут за двадцать, в сложных местах – максимум за час.

Я остановил один грузовик – маршрут не подошёл, затем другой – тоже неудачно. Оба ехали недалеко. Упоминалось Пикалёво, назывались ещё какие-то пункты, и водители говорили: так, классно, но тебе лучше смотреть другой вариант.

И тут на обочину с шумом, пыля, выехал выдавший виды КамАЗ с классической оранжевой кабиной и фургоном.

С дороги я успел разглядеть людей в кабине: за рулём был тот, что постарше, лет тридцати пяти; другой, лет двадцати, сидел рядом.

КамАЗ пролетел чуть дальше и остановился, проскрипев тормозами и обдав меня плотным дизельным выхлопом. Молодой парень приоткрыл дверь и, чуть не вывалившись из кабины, весело крикнул:

– Куда едешь?

– Питер!! – прокричал я в ответ, с надеждой поднимая рюкзак и гитару.

Парень повернулся к старшему напарнику, что-то сказал ему и, кивнув в ответ, крикнул мне:

– Садись!

Ого! Неужели прямо до Питера? Получается, я там сегодня вечером буду, засветло! Реально Куракина поймать успею!

Я бегу к кабине и закидываю рюкзак с гитарой наверх, мне помогают, так просто это с земли не сделать; затем забираюсь сам. Мой багаж перекаладывают назад, за передний ряд сидений; я располагаюсь с моими новыми знакомыми в главном ряду.

Со знаменитым камазовским шумом грузовик трогается, и мы двигаемся к Северной столице!

Парни оказались настоящими работягами – гоняли грузы в своём фургоне по всей России. В этот раз они ехали из Казани, выгрузились в Ярославле, сейчас пустыми шли в Петербург за новым грузом.

Старший, худощавый Сергей, был собранным человеком, явно отвечавшим и за машину, и за всё, в ней перемещаемое. Под козырьком он держал документы и деньги на взятки гаишникам, рулил грузовиком привычно и своё дело знал. Но и такому серьёзному человеку, думаю, хотелось хоть какого-то развлечения в долгих поездках, – и автостопщик с гитарой был подходящим попутчиком!

Его помощник, Даня, явно видел себя на месте Сергея в близком будущем; молодой, жизнерадостный и улыбчивый, он был счастливой причиной того, что я оказался в этой кабине.

Он и начал диалог:

– Ну что, как тебя звать? Давно стоишь, голосуешь?

– Я Алексей. Мне с вами повезло, почти сразу меня подобрали!

– Ну круто, мы тут заскучали, spoёшь нам потом?

О да, и этот вопрос будет в моём топе, зачем же ещё брать с собой человека с гитарой?

– Конечно спою, можно и сейчас! «Кино» любите?

Я достал гитару из чехла и с настроением спел ребятам пару песен из Цоя, а потом, глядя на них, записал «Пойдём со мной» группы «Калинов мост»:

«Пойдём со мной, бежим со мной, // Летим со мной, летим. // Риски, приятель, пусть ворон каркал – // Чёрт с ним...»

Вот это романтика, думалось мне, главное – людям нравится, хоть таким способом отблагодарю за поездку!

Через час движения все понемногу расслабились, активный разговор перешёл на отдельные реплики и мысли...

Все эти дальние коммерческие поездки выполнялись на тряской двадцатилетней машине благодаря тому, что старший был не просто водителем, а, как он говорил, настоящим шофёром.

– Понимаешь, разница в том, – с удовольствием объяснял мне Сергей, – что водитель только за рулём сидит да баранку крутит, а шофёр может и под машину залезть, и отремонтировать, когда надо. Старая школа – лучшая!

– И что, бывает, приходится ремонтироваться в пути? – Я был уверен, что этот выдавший виды КамАЗ частенько просил починки.

– Ну, хорошо бы до базы дотянуть, конечно, – там с инструментами побогаче, да и с запчастями, но по-мелкому и на месте можно. Колесо там поменять или шланг заколхозить. У меня и помощник есть. – Старший шофёр кивнул на Даню.

КамАЗ продолжал движение. Сергей держал скорость около семидесяти, раз в пару-тройку часов останавливаясь на короткий перерыв. Двухполосная трасса была совсем не загружена, иногда мы по полчаса катили в одиночестве, что располагало к продолжительным мыслям.

Перед нами неторопливо разворачивалась дорога, зеленел по обеим сторонам лес, собирало мошек потёртое лобовое стекло... И когда всё это соединилось с древним запахом машинного масла в кабине, что-то давно забытое вдруг собралось вместе и выплеснулось на поверхность моего сознания.

– Слушайте, представляете, что я сейчас вспомнил?! – пробудил я задумчивых парней. – Я, совсем мелкий, сижу высоко, как на третьем этаже дома, а это машина, грузовик! Мчится вперёд! Я вцепился в большой чёрный руль и смотрю прямо перед собой. Помню гул мотора, и на меня накатывает точно такая же лесная дорога...

– Прикольно! – среагировал Даня. – Откуда это?

– Детское воспоминание, даже не думал, что снова это увижу. Мой дед Алексей тоже был шофёром, я, кстати, в честь него имя получил. За ним был закреплён КамАЗ на производственной базе в Пионерском посёлке. Мне бабушка рассказывала, как он катал нас на своём новом грузовике, сажал меня на колени за руль где-то за городом. Конечно, рулил не я, а дед, но я в таких тонкостях не разбирался. Мне было четыре года, может, пять, и вот, представляете, сейчас в вашем КамАЗе такое забытое счастье вспомнилось!

* * *

По мере нашего продвижения к Северной столице я начинал понимать, что люди имеют в виду под питерскими болотами. Красивый густой лес на наших глазах прореживался и усыхал. Вместо сосен вдоль дороги потянулись толстые невысокие берёзы, они выстраивались у залитых тёмной водой полян; деревья нагибались, кривились, закручивались штопором. Мы

ехали словно в гости к Бабе-яге, и при таком мрачном пейзаже только ясная погода ещё как-то поддерживала настроение.

Вдалеке, у края лилового неба, на самом горизонте, куда упиралась наша прямая дорога, широко раскинулся грозовой фронт.

Так вот ты где, легендарный дождливый Питер!

Часов через шесть наш путь упёрся в Ладожское озеро – мы проезжали очередную развилку. На фоне голубой воды стоял огромный синий знак с белыми буквами и стрелками в противоположные стороны. Налево – Питер, сто с небольшим километров, направо – Мурманск, тысяча двести километров!

Ничего себе! Это ж туда Куракин направляется, вон ему сколько ещё ехать! Из Екатеринбурга кажется, что Петербург – край страны, но есть места и подальше.

Питер был близко, но Александра мне не обогнать. День переходил в сумерки, и, похоже, до города мы доедем в темноте – не лучший вариант для приземления в новом месте.

Тут Сергей сообщил:

– Так, через полчаса будет стоянка, фуры встают на отдых перед въездом в город. Мы едем туда, там заночуем. Ты с нами?

Поужинали мы у остывающей машины. Ребята разогревали свою еду на газовой плитке, я добавил в общий котёл банку тушёнки – получилось на троих с запасом.

Ночь я провёл в спальном мешке в фургоне КамАЗа. В кабине места на всех не хватало, но это меня не огорчило: в пустом фургоне оказалось тихо и тепло, так что я отлично выспался.

Меня разбудил скрип двери фургонной коробки. Было раннее утро, хотя по светлому летнему небу этих краёв точно не разберёшь. Прохладный воздух, ясное небо, роса на траве.

Парни выдвигались дальше.

– Ну что, путешественник, мы сейчас на объездную выезжаем, тебя там высаживаем тогда. Нам направо, на Мурино, а ты смотри...

– Отлично, спасибо вам, ребята, идеальный вариант!

Высадили меня перед развязкой, и я тепло попрощался с парнями – мы провели вместе почти сутки, проделав более пятисот километров!

Надев рюкзак и положив на плечо гитару, я двинулся в город по обочине моста, брошенного через объездную.

Передо мной, освещённый ясным утренним солнцем, открывался широченный проспект, расплывающийся вдали в лёгком тумане. От окружной на проспекте вырастали многоэтажные жилые дома. Вдоль тротуаров, обсаженных клёнами, тянулись ряды высоких серебристых фонарей в белых шапках.

Машин в этот час было совсем немного, город медленно просыпался.

Я шёл под безоблачным небом, выспавшийся и ничуть не голодный, а впереди открывался первый из великих городов, что я так хотел увидеть! Восторг от такого волшебного старта поднимался выше любых моих ожиданий, выше питерских фонарей, многоэтажных домов, выше солнца!

Глава 15

Продвигаясь по проспекту в центр, недалеко от объездной я увидел станцию метро, обозначенную непривычной синей буквой «М». Выбив из карманов рюкзака последнюю мелочь, я купил жетон и спустился к поездам.

В Екатеринбурге к тому времени уже построили ветку нового метро, так что с концепцией я был знаком. Сев в вагон, направлявшийся в центр, я рассмотрел карту на стене и решил взять курс на именитое название – станцию «Невский проспект».

Ох, сколько километров я отшагаю по этому проспекту за свою удивительную неделю в Питере!

Выйдя из метро на перекрёстке у большого жёлтого здания с надписью «Гостиный двор», я попал в толпу людей, идущих одновременно во всех направлениях. Ладно, я хочу просто пройтись по этой знаменитой улице – от начала до конца, если это возможно. На ходу разберёмся, что делать дальше.

Спросив у какой-то парочки, в каком направлении на перекрёстке расположен сам Невский, и вызвав у них невольную улыбку, я направился вниз, как выяснилось, к Эрмитажу.

Начало августа выдалось в Питере нетипичным: ярко светило солнце, для столь раннего часа было жарко и вдобавок влажно; впрочем, мне это совершенно не мешало. Я шёл по шумному Невскому, с жадностью путешественника-неофита разглядывая классические здания, мосты, магазины, людей.

Невский проспект пересекали другие, не менее интересные улицы, куда тоже хотелось заглянуть. Прохожу знак «Канал Грибоедова» и сам канал – тонкую прямую речку, струящуюся под проспектом. Справа в глубине успеваю отметить многоглавую церковь в светло-коричневой палитре с цветными завитыми куполами, стоящую на краю суши и воды. Слева через дорогу проплыл величественный собор с широченными крыльями колоннад и фонтаном в парке.

Народ начал прореживаться, растворяться в кафешках, раскиданных по проспекту. Кажется, я выбирался из делового квартала. Перейдя зелёный чугунный мост с фонарями, повернувшись наподобие скрипичного ключа, я задержался у пугающей надписи на стене здания: «Эта сторона улицы наиболее опасна при артобстреле».

Довольно скоро я вышел на открытое пространство с плавным поворотом направо. Открылся вид на узнаваемый архитектурный ансамбль – Эрмитаж и Дворцовую площадь.

Вдали виднелся огромный мост, и я догадывался, что добрался до Невы.

Как же это прекрасно – совершать такие открытия! Радость моя при виде невской глади вряд ли уступала восторгу Колумба, доплывшего до долгожданной земли, которую назовут Америкой.

Воодушевленный, я дошёл до сада перед Эрмитажем и присел на одну из выставленных вокруг фонтана фигурных скамеек. Здесь проводило время множество отдыхающих, в том числе молодых людей вроде меня. Прекрасно, подумал я, на этом месте я найду вписку сегодня вечером – отличный план!

Перед Эрмитажем, напротив сквера с фонтаном стоял человек с гитарой и явно собирался дать там неформальную сессию. Вау, здесь можно и играть для прохожих? Выглядит топовым местом для моих целей, запоминаем!

Немного отдохнув и расправившись с ещё одной банкой консервов из рюкзака, я прихватил свои вещи и направился дальше к Неве.

С Дворцового моста, до которого я первым делом добрался, открывалась крепость, песочно-жёлтая в утреннем солнце; недалеко расположились мосты, названий которых я ещё

не знал. Широченная Нева впечатляла своим мощным беспокойным тёмно-синим течением. Несколько катеров проплыли совсем рядом, туристы гуляли вдоль широких тротуаров по обеим сторонам реки, за спиной шуршали колёсами автомобили, развозя петербуржцев по важным делам.

Отлично, теперь пройдемся по Невскому вверх – где он вообще начинается?

* * *

Обратно я отправился тем же маршрутом, только по другой стороне проспекта.

В своём порезанном джинсовом костюме, с огромным рюкзаком за спиной и гитарой на плече я глазел на публику, на проспект – и безостановочно улыбался от удовольствия. Любой встречный мог легко догадаться, что я в этом городе впервые, а я и не собирался этого скрывать!

Оставив позади знакомый канал Грибоедова и Гостиный двор, я дошёл до перехода с конями – Аничкова моста.

И вот, шагая вверх по проспекту и вглядываясь в идущих мне навстречу людей, я изда- лека замечаю парня примерно моего возраста с длинными чёрными кудрявыми волосами, в джинсовой куртке и, внимание – с чёрным гитарным кейсом в руке!

Похоже, и он заметил меня. Подходя ближе, парень приостановился и улыбнулся мне.

– Привет, ты откуда? – спрашивает он.

– Привет! Я из Еката, Екатеринбургa. Тут автостопом, только приехал! А ты как, мест- ный?

– Нет, – отвечает мой новый знакомый, – я из Москвы, сам тут в гостях на неделю.

– Я Алексей, рад знакомству. – Я протянул ладонь. Сумел же он удивить меня своим неожиданным приветствием!

– Дмитрий, можешь звать меня Димонем, если хочешь. – Рукопожатие нового знакомого оказалось крепким и долгим.

Со своей длинной кудрявой шевелюрой, лёгким пушком над губой, голубыми глазами Димон смахивал на молодого д'Артаньяна, перепутавшего Париж с Питером, семнадцатый век с двадцатым, а шпагу – с гитарой.

– Куда сейчас направляешься, какие планы? – Димон жестом предложил отойти чуть в сторону от людского потока.

– Да в целом планов особых нет, я вот только до Невы ходил, первый раз посмотрел эти места. Думал дойти отсюда до конца Невского, – я кивнул вверх по проспекту, – потом вернуться к Эрмитажу. Там место нашёл, где поиграть можно и на ужин заработать. – Я показал на свою гитару.

Посреди спешащих прохожих, шумных машин и троллейбусов я с любопытством разгля- дывал этого нового человека в моей жизни.

– Ясно, слушай, Невский длинный, сейчас вот только Московский вокзал будет, – Дмит- рий явно был в Питере не впервые, – но он дальше ещё на километры тянется. Идём лучше обратно. У меня всё утро свободно, а потом я могу тебя с моими друзьями познакомить. – Разговаривая, мой новый знакомый опирался на гитарный футляр. – Ты вообще где планиру- ешь ночевать?

Всё происходило словно в кино. Это что, выходит, у меня уже и знакомые есть в Питере, и даже вписка на ночь?

Вниз по Невскому шли два волосатых парня с гитарами, и им явно было о чём поговорить. Тёплое питерское солнце поднималось всё выше, народ, озабоченно спешивший по своим делам, вдруг заулыбался. Город раскрывался с новой стороны. Когда у тебя есть друзья, всё в этом мире немного меняется!

* * *

– Я к девушке своей приехал сюда, она живёт в Питере, – продолжал Димон, пока мы шли вдоль знакомых мне зданий. – Мы в прошлом году познакомились, так и ездим в гости друг к другу: я в Питер, а она ко мне в Москву.

– Прикольно! – Я обратил внимание на обувь моего друга. И без того довольно броской внешности, одет он был с лёгким шиком. Чего стоили одни только кожаные ботинки! Обратил я внимание и на золотую серьгу в его правом ухе – небольшая, но эффектная. О'кей, отметил я, неплохо живут москвичи!

– Ты учишься? Я в МАИ, на проектировании ракетных двигателей. Грузят не по-детски, только в каникулы по-честному получается отдохнуть.

– Я в УГТУ в Екатеринбурге – тоже технический, теплоэнергетика.

Встретились как-то в Питере два технаря!

Мы шагали вниз по Невскому, нас обдувал ветерок, грело солнце, общаться было легко и интересно.

– И что, как ты сюда добирался? – полюбопытствовал Димон.

– До Череповца поездом, зайцем, уже у финиша на пересменку с охраной нарвался, высадили. Оттуда – автостопом с дальнотойщиками. В КамАЗе ночь перед Питером спал! – Я начал гордиться своим новым стилем жизни. – Еду без денег, буду зарабатывать гитарой, в Екате получалось, надеюсь, и тут получится. А ты пробовал на улице играть?

– Да нет, что-то до этого не доходило. – Кажется, Дмитрию комфортно жилось и без уличного музицирования. – Мы поигрываем с друзьями в Москве, – заметил он. – Собираемся небольшой альбом до конца года записать, студию нашли недавно. Эту гитару я тут прикупил, – он приподнял ценный груз, – хотел обновить перед записями, нашёл хороший вариант у знакомого.

– Классно, покажешь потом, что писать будете? У меня в Екате тоже группа, пару альбомов уже записали, домашние бутлеги.

– Конечно! А у тебя на потом какие планы, после Питера?

– Вообще, дальше путь как раз на Москву. – Я не хотел быть назойливым, но говорил как есть, скрывать было нечего.

– Круто, я возвращаюсь туда через неделю примерно, можем и там пересечься.

– Только за! – Иначе среагировать я просто не мог: на моём пути, ведущем в полную неизвестность, Димон разворачивал красную ковровую дорожку!

Не торопясь мы дошли до поворота на Эрмитаж. Я узнавал места и начинал чувствовать себя почти местным – пока, правда, в пределах одной улицы.

– Смотри, вот здесь чувак какой-то настраивался, я видел недавно, петь собирался. – Я показал Димону на точку между фонтаном и зданием Эрмитажа.

Народу заметно прибыло, из-за угла выглядывал хвост пухлой очереди, похоже, в музей. Вокруг фонтана все скамейки были заняты, и люди сидели где придётся. Место, где настраивался тот музыкант, пустовало: то ли он ушёл, то ли его выгнали отсюда.

– Ну что, я развернусь тут, попробую выступить, что ли? – Я взглянул на Дмитрия, снимая рюкзак.

– Ну давай, блин, ты экстремал всё-таки, я смотрю! – Димон явно в таких выступлениях ещё не участвовал.

Экстремал не экстремал, подумал я, а кушать-то надо, так что действуем по плану!

Я встал на отмеченную точку, положил рюкзак сбоку, в пределах видимости. Вытащил гитару и разложил перед собой чехол: опыт показывал, что в него людям легче кидать деньги, чем в маленькую кепку.

Затем я достал хомут и гармошку, настроил это хозяйство поудобнее, подтянул струны... и выдал «Поколение дворников и сторожей» местного, питерского БГ! Вышло это само по себе, по настроению!

Народ в основном проходил мимо, кто-то у фонтана обернулся и стал слушать, человека два-три задержались, формируя небольшое кольцо зрителей. Никто меня не прогонял, всё происходило в пределах моего предыдущего опыта, так что я мог просто делать своё дело.

Я продолжил «Пачкой сигарет» Цоя, следом исполнил «Красное на чёрном» «Алисы». Мой новый инструмент звучал прекрасно, я распелся и наслаждался собственным импровизированным концертом в этом живописном месте; вокруг сновали туристы, круг слушателей понемногу расширялся, иногда кто-то подкидывал деньги.

Спустя полчаса я решил, что пора закругляться: для тестового выступления более чем достаточно. Завершив концерт песней «Никто не услышит...» «Чайфа», я поблагодарил слушателей, аккуратно собрал набросанные в чехол деньги и убрал гитару.

Подошёл Дмитрий, подобрал мой рюкзак, и мы переместились к фонтану.

– Слушай, клёво получилось, мне понравилось! – Димон поздравил меня с первым выступлением. – Половину из твоего репертуара я знаю, подпевал тебе!

Я достал заработанные деньги и пересчитал: неплохо, на булку хлеба и макароны хватит! Может, ещё на банку консервов каких-нибудь!

Глава 16

Мы прошли по набережной до памятника Петру, это оказалось рядом. У меня была карта России, но вот картами городов я не запасся, а потому полагаюсь на местных знакомых и на собственную любознательность.

У Невы надувал свежий ветер, чувствовался иной, совсем не уральский климат. Солнце, корабли, влажный ветер и холодные брызги – вот чем пахнет Питер!

Проболтавшись пару часов у набережной, мы с Димоном снова приземлились у Дворцового моста. Опираясь на парапет из красного гранита и вглядываясь в тёмные глубокие воды Невы, я на минуту задумался. Это было необычно – осознавать себя в совершенно ином месте, непохожем на что-либо виденное раньше. Моя фантастическая телепортация сработала, и из Екатеринбурга, в котором я провёл девятнадцать лет жизни, всего за пару дней я переместился в центр Питера!

Димон вывел меня из грёз:

– Так, Лёха, я пока выдвигаюсь дальше, есть ещё дела сегодня. Как ты смотришь на то, чтобы примерно в семь у Московского вокзала пересечься? Это там, где мы с тобой встретились на Невском, только выше. – Дмитрий помнил о своём предложении: оно оставалось в силе. – Оттуда мы на метро доедем до Лиры – так зовут мою девушку. Я у неё остановился на всю эту неделю. Спросим, надеюсь, и для тебя место найдётся.

– Договорились, я подойду, где там точнее?

– Давай у главного входа, снаружи?

– Решено, удачи!

Димон перешёл дорогу, поравнялся с памятником Петру и скрылся в сквере.

Я же обратил внимание на огромный золотой купол, возвышающийся вдалеке над деревьями, и решил, что пора смотреть Питер дальше, раз уж у меня появилась такая замечательная возможность!

Куполом оказался Исаакиевский собор, или, по-местному, Исакий, – фундаментальное здание с красным отливом; как я потом узнал, – главный храм Питера. Я обошёл его кругом и побывал внутри. За билет пришлось отдать немного из утреннего заработка, но Исакий того стоил!

В тот день я впитывал всё, что попадало в моё поле зрения: «Асторию» с памятной доской о Есенине, конную статую Николая Первого, набережную Мойки...

Где-то там я свернул вглубь. Ухоженные скверы вывели меня на храм со знакомыми крыльями и колоннами – Казанский собор, или, на местном, Казань. Наконец-то я нормально его рассмотрел и даже заглянул внутрь, вход был бесплатный.

Здесь всё было скромнее и менее масштабно, чем в Исакии, но просторные крылья здания могли укрыть от дождя, на площади перед храмом был разбит парк со скамейками, в центре работал фонтан, заметный даже с Невского, а зелёная от патины крыша собора на солнце выглядела изумрудной!

Это место было таким уютным, что понравилось мне больше Исакия!

Неудивительно, что с того дня на всю мою неделю в Питере отправной точкой прогулок и встреч стала именно Казань.

Пора было выдвигаться к Московскому вокзалу на встречу с Димоном. Я еле держался на ногах, плечи прогибались от лямок потяжелевшего в разы рюкзака – приземление хоть куда-нибудь было необходимым.

До условленного места я дошагал по хорошо знакомому в этих местах Невскому.

У меня в запасе имелась четверть часа, и я заглянул в здание вокзала. Слева от входа я заметил несколько телефонных будок – междугородных автоматов. Неплохая идея: позвонить родителям и сообщить, что я в порядке, в Питере, живой! Ещё одна монета из моего утреннего заработка – и вот я звоню в Екатеринбург на домашний и за минуту выкладываю маме, что всё хорошо, я в Питере, можно не волноваться!

Димон встретил меня в назначенном месте – уже без гитары.

– Привет! Ну что, как ты?

– Нагулялся! Обошёл весь центр, ноги отваливаются...

Рюкзак не держался на моих плечах, я ставил его на землю при первой возможности. Гитара, на отлично отработав утром, днём гуляла по Питеру на моём горбу вхолостую.

– Короче, я виделся с Лирой, закинул инструмент, она не против, если ты перекантуешься у неё несколько дней. – С невозмутимым выражением лица Димон исполнял взятую на себя роль ангела-хранителя.

– Круто, спасибо большое – и тебе, и Лире! – Вот готов же кто-то приютить незнакомого чела с улицы!

Дмитрий повёл меня к станции метро «Площадь Восстания», а я старался запоминать приметы – могут пригодиться!

– Кстати, нужно в какой-нибудь магазинчик заглянуть, – предложил я. – У меня есть утренние деньги, закупимся на ужин?

– Отличная идея, давай. Возле её дома есть павильоны, там и посмотрим.

Мы спустились в метро. У меня не было билета, и Дмитрий пропустил меня по своему. Как и всегда в центре, в метро бурлила толпа, – я понемногу привыкал к новому для меня большому городу.

Ого, вот это спуск! Эскалатор уходил вниз на какую-то фантастическую глубину. Я с трудом мог разглядеть окончание наклонного тоннеля, в перспективе схлопывающегося в точку.

– Питер в этом плане особенный город: здесь Нева, острова и каналы, так что многие станции в центре проложены глубоко. Ещё и шлюзами вагоны прикрывают от затоплений. Здесь ещё нормально, есть станции, на которых вообще не видно, где спуск заканчивается... На «Пролетарской» или «Площади Ленина» например!.. – Димон понимал мои эмоции и сам иногда посматривал вниз, пока эскалатор тащил нас всё глубже под землю.

Проехав под землёй с полчаса, мы вышли на станции «Гражданский проспект». Это был спальный район, вокруг толпились многоэтажки; в одной из них нас ждала Лира.

В магазинчике у метро мы закупились студенческим набором: макароны, булка хлеба, банка кильки в качестве томатного соуса, и ещё хватило на небольшую бутылку «Спрайта»!

С такой добычей не стыдно идти на вписку!

Мы поднялись на двенадцатый этаж, и Димон постучался в дверь.

* * *

Лира, стройная девушка с каштановыми кудрями до пояса, поприветствовала разом и Дмитрия, и меня:

– Привет! Проходите. Рада познакомиться, Лира! – Красавица по-быстрому приобняла и поцеловала Дмитрия, а мне протянула руку.

– Привет, я Алексей.

– Так, Алексей, скидывай обувь и проходи вон в ту комнату. – Лира показала на одну из дверей. – Располагайся! Рюкзак, гитару и что там у тебя ещё – всё можешь туда занести.

Димон помог затащить рюкзак, я просто валился с ног.

В комнате, которая, судя по всему, была гостиной, я обнаружил приготовленную раскладушку, простынь, одеяло, подушку. Просто сказка, даже спальный мешок не пригодится!

Но прежде всего нужно поужинать.

– Мы тут с Димоном купили немного еды на ужин, Лира, ты не против, если мы её приготовим на всех? – Я решил не терять времени, мне страшно хотелось и есть, и спать.

– Лёха заработал у Эрмитажа сегодня: играл на гитаре там, я тебе рассказывал. – Димон поддерживал мои старания.

– О, это было бы классно. – Лира говорила мелодичным сопрано. – Пойдёмте, я вам помогу.

В итоге мы сварили наши макароны, немного обжарили их на сковородке, нарезали хлеба, открыли кильку, Лира достала печенье, заварила чай. Отличный получился ужин!

Я чувствовал себя замечательно, ощущения, что я наглый нахлебник, не было. Важный момент для путешественника.

Сидя за столом на кухне, мы обсуждали питерскую жизнь, которая оказалась такой же сложной для студентов, как и екатеринбургская, поприкалывались над моими приключениями в поезде. Димон рассказал о своих московских музыкальных планах.

– Кстати, – решил я спросить, – куда ещё петербуржцы гулять ходят? По Невскому и набережной я сегодня находился, думаю, есть ещё места?

– Ну, ты, считай, только с базой ознакомился. – Лира была рада поделиться любовью к своему городу. – Когда всего в центре насмотришься, есть ещё место, куда точно стоит заглянуть!

– Дай угадаю, – включился Дмитрий, – за городом?

– Ты слишком хорошо меня знаешь, – засмеялась Лира, – да, Петергоф!

«Какое загадочное название, как из сказки про Щелкунчика!» – медленно думал я, вырубаясь прямо за столом. Хоть было и не поздно, я мог отключиться в любую минуту.

– На самом деле это гигантский парк петровской эпохи, конкурирующий с Версалем, и там стоит побывать, если уж заехал в Питер, – доносилось до меня издали голосом Леры.

И вот он, высший акт дружелюбия и гостеприимства, я не шучу: мне предложили принять ванну, помыться, – если я хочу. О боги, хочу ли я помыться после нескольких суток, проведённых то в поезде, то в машинах, то в фургоне КамАЗа?! С этой помывки в гостях я навсегда понял и запомнил, что большего гостеприимства, чем предложение принять ванну или душ, просто не существует!

Прибрав за собой в ванной комнате по заветам из прочитанной книжки, я перебрался на удобную раскладушку и тотчас заснул.

Глава 17

Утром я встал последним, набравшись сил на годы вперёд.

Завтракали мы простыми домашними бутербродами с сыром и кофе, обсуждая дальнейшие планы. Как мало человеку нужно для счастья: крыша над головой, друзья, горячий кофе и предвкушение дня в новом месте!

Димон с Лирой планировали посвятить день своим делам, а вечером мы договорились встретиться у Казани – они хотели притащить ещё кого-нибудь из своих друзей, и дальше все вместе мы должны были отправиться гулять и смотреть разведение мостов. Белые ночи уже отступили, но даже поздними вечерами было ещё светло, так что петербуржцы и гости культурной столицы продолжали тусить круглосуточно.

Мне позволили оставить рюкзак у Леры, я взял гитару – теперь я знал, где зарабатывать, собрал оставшуюся мелочь, которой хватало на билет в метро, и был готов к выезду в центр.

* * *

Ближе к вечеру мы встретились у Казани – установленном месте для старта прогулок. Ядро компании составили четыре человека: Димон, Лира, её подруга по учёбе Настя и я.

Настя оказалась весёлой разговорчивой девчонкой с кудрявыми светлыми волосами по плечи, круглым личиком и голубыми глазами. Она успевала учиться на дневном и работать во второй половине дня. Своими эмоциональными историями Настя добавляла яркую искру в спокойный настрой нашей небольшой компании.

Кроме того, в последующие дни к нам то присоединялись, то откалывались новые, зачастую необычные знакомые, из тех, что были с нами на одной волне.

В первый вечер, согласно программе, мы смотрели на разведение мостов. Как объяснили мне местные, это выглядит красиво, особенно когда смотришь впервые и когда ты турист, но ни фиги не практично, потому что всерьёз ограничивает ночное перемещение по островной части города.

Я встал на сторону туристов: этот питерский феномен произвёл на меня незабываемое впечатление!

Огромные куски дороги над рекой медленно поднимались, чтобы застрять на несколько часов в неожиданном положении, люди толпились по гранитным набережным, наблюдая это чудо, а очередь из неприлично красивых белых кораблей, только и ждущих этого момента, торопилась войти в город.

Каждый мост подсвечивался своим цветом: жёлтым, фиолетовым или даже красным. Тёмная волнующаяся Нева отражала цветные мосты, а ярко освещённые карамельные здания вдоль набережных контрастировали с темнеющим небом. Люди на палубах яхт, казалось, кичились дорогой праздничной жизнью, а зрители с берегов, в свою очередь, воспринимали их частью представления.

Для постороннего туриста вроде меня картина выглядела гигантским городским карнавалом, для местных же она была частью привычного летнего ночного пейзажа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.